

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES
МЕРСЕДЕС ЛЭКИ

Иштар

ЭТО НАЧАЛО ВОЙНЫ. И У НАС ЕСТЬ
ТОЛЬКО ОДИН ПУТЬ – ДАТЬ ОТПОР
ЧУДОВИЩАМ.

Охотница

Мерседес Лэки

Элита

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Лэки М.

Элита / М. Лэки — «Эксмо», 2016 — (Охотница)

ISBN 978-5-04-098360-5

Элита – это лучшие воины, которые могут победить даже самых жестоких монстров. Именно Элита борется с масштабными нашествиями пришлецов. И именно здесь теперь служит Рада. Она всегда знала, что на новом месте ей не придется скучать, но она и не подозревала, сколько сюрпризов ее ждет. Так, девушка первая столкнулась с пришлецами, о которых раньше никто не знал. Кто эти чудовища? И откуда они появились? Но главное – Рада оказалось случайной свидетельницей сразу нескольких убийств. У всех жертв есть нечто общее, и Рада понимает: ей обязательно нужно выяснить, кто совершил эти таинственные преступления. Иначе под подозрением окажется не только она сама, но и человек, который ей особенно дорог. Мерседес Лэки – всемирно известный автор фэнтези и обладатель многочисленных литературных наград. Ее серия «Охотница» стала бестселлером по версии престижного издания New York Times.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-098360-5

© Лэки М., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

1	6
2	14
3	24
4	29
5	36
6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мерседес Лэки

Элита

Mercedes Lackey

ELITE

Copyright © 2016 by Mercedes Lackey

Originally published in the United States and Canada by Disney Hyperion Books as HUNTER.

This translated edition published by arrangement with Disney Hyperion Books.

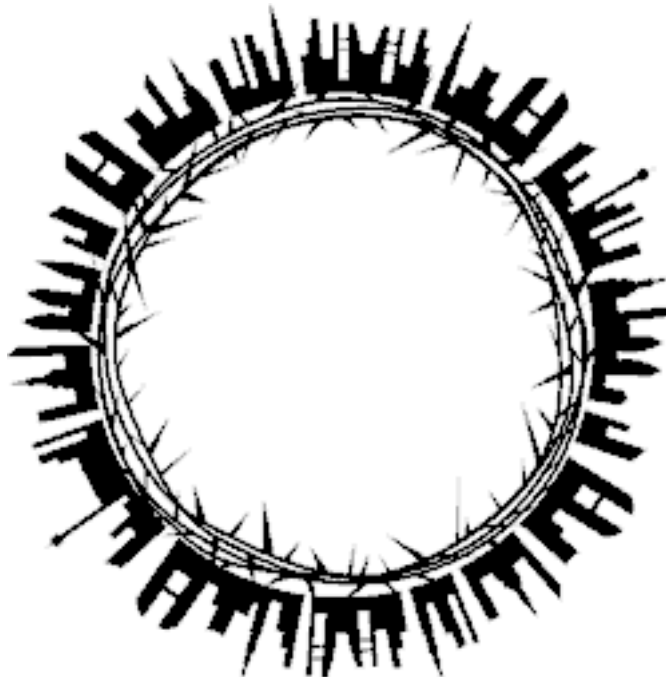
© Сагалова А. Л., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Посвящается Эмили Миэн и Лоре Шрайбер за их исключительную
прекрасность.*

1

Я оглянулась через плечо – и страх прошел меня точно молния. Потому что я увидела одни только зубы.

Сотни и сотни сверкающих белых зубов, и самые маленькие из них были с мою ладонь, а самые большие – с руку. И все тонкие и острые как бритва. А пасти, в которых торчали все эти зубы, были слишком близко от меня.

Мы с Душаной скакали во весь опор, и все равно казалось, что нам не уйти. Я сжалась на ее спине и мысленно внушала себе, что никто не обдаст яростным жаром мой затылок и что за моей спиной вовсе не драккен.

Душана мог бы не удирать от этого ходячего кошмара – ему ведь ничего не стоит бацнуть. Тогда бы драккен растерялся и взбесился. Но в том-то и дело, что мы не хотели, чтобы он бесился. Потому что тут рядом агростанция и тварь выместит всю свою злость на ней и на людях, которые там работают. Драккен уже вырубил им электричество, разметав трансформатор, который соединял агростанцию с главным распределителем, а заодно и аварийные солнечные панели и всю проводку. Теперь агростанция лишилась электрического поля, которое ее защищало, и тамошнему персоналу остается уповать лишь на нас. Драккены легко крушат бетон и металлоблоки – иногда они буквально разрывают здание пополам. Находят щелку или трещину, засовывают туда коготь – и дергают. А потом рвут и терзают, пока крепчайшая стена не превратится в обломки.

В общем, мы были наживкой. Куском мяса на веревочке. И наша задача заключалась в том, чтобы подманить драккена к ловушке.

Ход у Душаны куда мягче лошадиного; препятствия на агрополе, которое мы пересекали, он брал совсем незаметно. Я снова оглянулась. Никогда не видела драккена так близко. Даже когда он набрасывался на поезд, в котором я ехала. Понятия не имела, что у них, оказывается, три пасти: первая – та, которую видно, а в ней сидит на ножке еще одна, а в той еще одна, тоже на ножке. Получается, у твари что-то вроде лягушачьего языка. Причем язык этот длиной примерно в половину самого драккена. Правда, лягушачий язык – он просто липкий. А все три

пасти драккена утыканы острыми зубами. Неудивительно, что драккены чемпионы среди пришлецов. И неудивительно, что им ничего не стоит вытащить жертву из любого убежища.

И вот все три пасти нацелились прямехонько на меня. Оглянувшись, я вся похолодела и даже тихонько пискнула. И съежилась еще больше. Зубищи третьей пасти шелкали прямо у Душаны за крупом. Зрелище, честно говоря, на любителя. С перепугу я тряслась как осиновый лист. Но при этом отлично соображала, ясно видела, прикидывала, что и как, и держала в голове заклинания. Этого у меня не отнять. Я же Охотница. Я могу, обмирая от страха, хладнокровно засадить в пришлеца вспышкой или вскинуть Щит. И то и другое, кстати, у меня было наготове. На всякий случай.

Я нарочно оседлала Душану. Драккен в принципе мог бы и за ним одним побегать, но это ему не так интересно. А вот в погоне за мной эта тварь горы свернет. Душана – он ведь тоже пришлец, самая заурядная добыча для драккена. Но на этой стороне драккенам заурядная добыча не нужна – им подавай человечину. Люди – это главная вкуснятина в их меню. А уж я-то со своими магическими способностями – просто нажористая витаминная бомба. Точнее, бомба из манны.

Сильно отрываться от драккена нельзя, а то он потеряет к нам интерес. Я, конечно, лакомый кусочек, но не единственный. На агростанции еще с десяток таких аппетитных кусочков. Если не привлекать внимание чудища к себе, оно вспомнит об этом и отправится обедать на станцию.

Естественно, мне бы в жизни не уложить драккена в одиночку, даже со своей стаей в одиннадцать Гончих. Но я подманивала чудище к людям, которые умели делать то, чего не умела я.

Мы с Душаной одновременно заметили метки: две банданы, привязанные к веткам кустарника. Душана как-то сумел еще сильнее ускориться и рывком выскочить из зоны давления. А я что было сил вцепилась в его холку. И только мы проскочили, как у нас за спиной взметнулся порыв ветра и раздался оглушительный, просто громовой хлопок.

Одновременно Душана проехался как на лыжах, затормозил и резко развернулся. Так что мы с ним все видели. Драккена настигли в броске. Я отвела взгляд и выдала череду ослепляющих вспышек – самых ярких, самых мощных, какие имелись у меня в арсенале.

Едва световое шоу иссякло, я снова посмотрела на драккена. Спереди он теперь казался тонким и каким-то необычно плоским. Он словно бы висел в воздухе, его лапы беспомощно болтались, а когти длиной в мой рост скребли по земле.

Для людей вроде меня, обладающих магическим видением, это выглядело как если бы тварь схлопнула в огромной бутерброднице из двух магических дисков. Вот один диск растаял, и туша драккена медленно поползла вниз по оставшемуся диску.

Откуда ни возьмись появился исчезнувший диск и со всего маху впечатался в стоящий. Я тоже вломила драккену молотом по черепушке, но это было так, чистое украшательство. Еще трижды диск исчезал, появлялся и резким ударом сплющивал тварь.

Наконец двое Элит-Охотников, творивших все это безобразия, решили, что хватит. Драккен бесповоротно сдох. И оба диска растворились в воздухе.

Туша драккена безвольно осела в черничник. Безвольно – потому что каждая его косточка сломалась в лучшем случае пополам.

Целая гора мяса – тонны, тонны и тонны, – хрустя ветками, рухнула прямо передо мной и Душаной. Нас обдало пылью и листьями. Душана инстинктивно отскочил, хотя мы оба понимали, что стоим не так уж близко и мертвый драккен нас не заденет.

Земля содрогнулась, а звук получился... ну, примерно как когда молния ударяет в дерево. Я сама однажды такое слышала. Нас с Душаной будто обухом по голове огрели, и мы оба затряслись.

Гвоздь и Молот выбрались из черничных зарослей, где скрывались в засаде, и направились изучать тело поверженного врага.

У драккена изо всех отверстий сочилась зеленая жижа. Эта его жуткая тройная пасть валялась на земле вывороченная – две петли мертвой плоти. Раздавленная башка выглядела еще кошмарнее, чем при жизни. А зубы... на них по-прежнему было страшно взглянуть. Я так и ждала, что вот-вот безжизненная пасть оживет и сцапает меня. Да, нервишки-то пошаливают.

Я думала, будет смрад – но нет. Пахло чем-то похожим на валерьянку – горьковатый запах, но вполне терпимый.

Двое моих товарищей отвязали от веток свои банданы и привалились друг к другу, тяжело дыша. Они оба взмокли от пота и совсем выдохлись – конечно, а как иначе, если творишь такую мощную магию. Оба нашарили у себя в рюкзаках энергетические батончики и медленно их пережевывали – даже челюсти их двигались устало.

Гвоздь и Молот – братья. У обоих идеально слепленные скульптурные лица, а кожа совсем темная, почти шоколадная. Темнее, чем у наших, на Горе. Там у нас народ разных кровей, все так и сяк женились между собой еще со времен Дисерея. В итоге мы в Анстоновом Роднике, и в Укромье, и в Монастыре смуглые, с темно-русыми, каштановыми или черными волосами. Светловолосые разве что теперь завелись: к нам недавно перебрались земляки Марка Паладина. А кроме них, столько блондинистых сразу в наших краях не встретишь. Да и рыжих тоже.

Оба брата-Охотника острижены чуть ли не под ноль. Большинство Охотников или стригутся совсем коротко, или как-нибудь завязывают и закалывают волосы на Охоте. Потому что иначе какой-нибудь пришлец возьмет и сгребет тебя за косы. Молот ростом пониже Гвоздя и более кряжистый. Они оба часто улыбаются, если не на Охоте. И сейчас тоже расплывались в улыбках. Оно и понятно: сделал дело – гуляй смело. Особенно если хорошо сделал. Они, конечно, изрядно вымотались, но им придавало сил удовлетворение от успешной работы. Да еще какой работы! Гвоздь и Молот – это первые Охотники из Элиты, с которыми я повстречалась, если не считать оружейника Кента. Я тогда еще проходила свою аттестацию в штабе. Это они первыми примчались по сигналу тревоги, который подала моя подруга Карли. Хотя сама я примчалась туда еще раньше, потому что Душана бацнул туда со мной на спине, и... ну, в общем, оба брата очень-очень по-доброму ко мне отнеслись и сделали для меня что сумели, пока я сходила с ума от горя. А теперь я сама в Элите и работаю бок о бок с ними. И я лишний раз убедилась, что они такие, какими показались мне при первой встрече: добросердечные, верные и надежные.

Молот – неумолимая мощь, Гвоздь – несокрушимая твердыня. И если кому не повезет очутиться между ними, то, считай, он уже покойник. У них в репертуаре один-единственный наступательный прием – этот хитрый трюк они проворачивают со своими Стенами. Но сами посудите? Если таким трюком можно расплющить в лепешку драккена – чего еще надо?

Их цвета – золотой и коричневый. Цвета на двоих – это только у них, больше ни у кого, ни в Элите, ни во всем штабе. Одежда на них всегда одинакового покроя, но цвета разнятся. Например, сегодня оба в туниках без рукавов и штанах, заправленных в сапоги. У Молота коричневая туника, золотые штаны и коричневые сапоги, а у Гвоздя – золотая туника, коричневые штаны и золотые сапоги.

У меня все еще дрожали коленки, поэтому спешиваться я пока не стала. Попросила Душану подъехать к братьям. Но даже верхом на Душане я едва могла помериться ростом с Гвоздем. Он заметил, что мы с Душаной приближаемся, выпрямился и заулыбался:

– Ну что, вроде неплохо получилось. Надо тебе позывной сменить. Не «Радка», а «Наживка».

Он извлек затолканную в карман коричневую бандану и вытер ею голову и шею.

Меня всю передернуло:

– Что-то я не рвусь на эту должность.

– Да кто ж тебя спросит, малая? – ухмыльнулся его брат, обтирая голову золотой банданой. – Ты одна у нас умеешь скакать верхом на Гончей.

Я проглотила комок в горле. Но если подумать, он прав.

– Вы в винтокрыле говорили, что это маленький драккен! – напустилась я на братьев.

Мы весь этот план с наживкой разработали в винтокрыле, пока летели сюда. Невероятно эффективная тактика. Главное, чтобы поблизости не объявился какой-нибудь Житель – а так ни одному драккену против нас не выстоять.

– Так он и был маленький, – ответил Гвоздь, с трудом сдерживаясь, чтобы не прыснуть. – Малюсенький. Мы в жизни такого крошки не видели.

Мне сказать было нечего, и я молча соскользнула с Душаны и отпустила его к стае. Гончие – одиннадцать моих плюс шесть Гвоздя и Молота – столпились вокруг мертвого драккена. Со стороны казалось, что они стоят над тушей и тяжело дышат. А на самом деле так они вбирают манну. Манна – это магическая энергия. Гончие кормятся манной, и манна же питает чародейские способности Охотника. У всего живого есть манна, но больше всего ее у людей. Даже у лишенных магии ее больше, чем у пришлецов из Потусторонья. Правда, у такой громадины, как драккен, манны хоть залейся – всем нашим Гончим хватит, чтобы пить, и пить, и напиться всласть.

Молот уже отчитывался в перском:

– Драккен уложен. Требуется бригада утилизации.

– Бригада утилизации выехала, Элит-отряд МГР. Ориентировочное время прибытия – пятнадцать минут, – хором сказали три наших перскома.

Можно было и не сообщать в штаб – неподалеку в воздухе висела россыпь вездесущих маленьких камер. Но лучше сообщить для верности. Если останки драккена не убрать поскорее – того и гляди к ним поналезут другие пришлецы.

– А что потом делают с тушей? – спросила я. Немножко противно об этом слушать, но ужасно любопытно.

Молот посмотрел на брата, и оба пожали плечами. Налетел порыв ветра и овеял нас причудливой смесью запахов: поломанные кусты черники, растоптанная зелень и валерьянка.

– Мы как-то не интересовались. Может, пойдет на пойло для клон-ферм или на удобрение, – ответил Молот. – Шкура, когти, зубы, рога, бивни – на все это есть спрос. Богатые люди заказывают себе книги в переплете или сапоги и ботинки из кожи драккена. Нанимают дизайнеров, и те украшают их дома костями, зубами, когтями и всем прочим. А то еще художники вырезают что-нибудь из костей или делают всякие сложные скульптуры.

– Я был как-то в вестибюле премьерского дворца, – подхватил Гвоздь. – Так там стояло кресло из зубов и костей. И ничего, народ садился, делал селфи.

Меня опять всю передернуло от отвращения пополам со страхом:

– Ну да, и я о том. У нас, типа, Барьеры и все хорошо, но... если что-то пойдет не так, думается мне, всем этим хоромам с финтифлюшками из костей пришлецов недолго красоваться.

Гончие одна за другой возвращались к нам. Напитавшись манной, они так и лучились блаженной сытостью. Гончие Гвоздя и Молота походят на обычных Гончих – громадные мастифы с густой шерстью; у Молота они цвета черного дерева, у Гвоздя – шоколадные. А в моей стае каждой твари по паре. Двух Гончих по имени Кусач и Дергач я унаследовала от Карли – они смахивают на волков, сотканых из теней. Еще пара Гончих досталась мне от Аса. Тот предал все, что делает Охотника Охотником, и попытался убить меня во время испытаний, когда я поступала в Элиту. И Гончие Аса отреклись от него. Их зовут Мирддин и Гвалхмай. Они что-то вроде гибрида волка и льва, почти как французские горгульи, которых я видела на картинках. А окрас у них серебристо-серый.

Ну и исконно моя стая: Ча, Душана, Бэгце, Ченрезиг, Шиндже, Калачакра и Хеваджра. Таких Гончих Пик-Цивитас еще не видывал. На самом деле подобные есть лишь у троих Охотников – в том числе у моего наставника на Горе Учителя Кедо Патли.

Мои Гончие не как все. Начать с того, что они могут менять облик. В своем нормальном облике они напоминают... Ну, скажем так, психоделический глюк. По размеру они разные: вожак Ча мне по грудь, на Душане можно ездить верхом, а Бэгце примерно как конюшня, в которую можно поставить Душану. И они сплошь покрыты какими-то безумными узорами кислотных цветов; отовсюду у них торчат рога, бивни, зубы, шипы, гребни, и все такое – причем без всякой логики и смысла. Но когда мы не Охотимся, мои Гончие превращаются в черных собак-грейхаундов с пламенными глазами.

Способность менять облик – уже диковинка. А моя стая еще и приняла к себе Гончих, доставшихся мне от других людей. О таком прежде никто никогда не слышал. Обычно, если Охотник умирает или Гончие по какой-то причине его покидают, они возвращаются в Потусторонье. Но эти четверо остались со мной, и в результате у меня получилась самая большая стая в истории Охоты – одиннадцать Гончих. Наверное, это из-за моей огромной стаи нас с Гвоздем и Молотом отправили на драккена всего лишь втроем. Обычно драккена укладывают отрядом побольше. Но моя стая выступила в роли телохранителей; пока мы с Душаной отвлекали драккена, остальные мои Гончие несли молчаливый дозор поблизости – на случай каких-нибудь непредвиденных сложностей. Если бы Гвоздь с Молотом не сумели прикончить драккена, мои Гончие сорвались бы с места и пустились за ним в погоню.

И еще мои Гончие проделывают со мной и ради меня разные штуки, каких никто не умеет. Я, по крайней мере, ни о чем подобном не читала и не слышала. Например, Душана бацает со мной на спине.

То, что у меня такие оригинальные Гончие, мне только на руку. Может, хоть это поможет мне в моем расследовании. Я пытаюсь выяснить, кто же намеревался меня убить. В смысле помимо Аса. Бывший Охотник Ас сейчас сидит под замком в армейском каземате (его выпускают из камеры, когда нужна его магия для борьбы с пришлецами, но он все равно под охраной). Однако штука в том, что мое убийство он планировал не в одиночку. У него был какой-то приспешник, который до сих пор гуляет на свободе.

Гвоздь склонил голову набок, прислушиваясь. Я тоже прислушалась – и различила басовитое жужжание двух грузовых винтокрылов.

– Вот и утилизаторы, – сказал Гвоздь. – Нам пора двигать на агростанцию, к посадочной платформе.

Особого желания смотреть на утилизацию туши я не испытывала. Еще забрызгают этой мерзостью – брр! Поэтому я кивнула, и мы зашагали обратно через заросли черники, тем же путем, каким я заманивала драккена в ловушку. Ребята срывали по пути ягоды и бросали в рот. Я тоже не стала дожидаться особого приглашения. Нет, в штабе нас кормят до отвала, мы ни в чем не знаем нужды. Но когда творишь магию, потом ужасно хочется есть.

Ягоды лучше всего есть с куста. Здешние кусты да и сами ягоды очень отличаются от диких, которые растут у нас на Горе. Лесные ягоды терпкие, кисловатые, и вкус у них резкий. Зато полевые крупнее и слаще – и уж точно лучше, чем так называемый черничный джем, который дают в штабе.

По пути ребята немного пришли в себя. Кусты черники были высокие, как Гвоздь, а проходы между рядами заполняло какое-то живое покрытие – очень плотное и с мелкими листьями. Видимо, чтобы глушить сорняки. Покрытие оказалось жесткое; мы шли по нему, а оно под нами не подламывалось.

– Удачная Охота, – пробубнил Гвоздь. Рот у него был набит ягодами.

Гвоздь у братьев отвечает за стратегию. Это я уяснила, пока мы летели сюда на винтокрыле. С ними двумя я работала впервые, до этого я Охотилась в Элит-отряде из шести-восьми человек.

Молот хрипло рассмеялся:

– Если ушел с Охоты на своих двоих – значит, Охота уже удачная.

И братья стукнулись кулаками. Винтокрылы, похоже, уже сели, потому что стрекот смолк, зато послышались другие звуки. Ветер доносил до нас жужжание цепной пилы, которая явно наращивала обороты. Утилизация шла полным ходом. Еще было слышно ветер в кустах черники, пение птиц да гудение полезных насекомых. На агростанции специально разводят насекомых, поедающих других насекомых, и выпускают их в нужный момент. И еще ставят особые кормушки для птиц, уничтожающих вредителей. А до Дисерея на фермах делали много такого, чего сейчас не делают. Например, распыляли яды над полями.

Когда мы дошли до станции, кто-то из техников уже возился с трансформатором и налаживал временное соединение с ветряками. А кто-то внимательно изучал глубокие трещины в бетонном здании. Все нерешительно поглядывали на нас. Вроде как им хотелось поблагодарить нас, но они не знали, как к нам подступиться. Тогда Гвоздь сам к ним подошел – как ни в чем не бывало, словно и не было никакого драккена.

– Все в порядке? – спросил он.

Работники станции восприняли это как разрешающий сигнал: можно окружать и просить автографы. Вот ненормальные, правда? Но вы не поверите: Гвоздь с Молотом оба полезли в карманы и вытащили по пачке открыток размером с ладонь. Своих собственных фотографий. И, не сходя с места, принялись их подписывать. Как будто они вполне бодряком и не валятся с ног, как будто мы в клубе или в баре. Я топталась за их спиной, но Гвоздь вытолкнул меня вперед и, вытащив еще одну пачку открыток из переднего кармана штанов, вручил мне. На этих фотографиях была вся Элита целиком, включая меня. Не помню, чтобы я позировала для этого снимка. Скорее всего, его склеили из отдельных фото каждого Охотника. И я тоже занялась раздачей автографов. Наши Гончие толпились тут же и охотно принимали знаки внимания от всех желающих это внимание оказать. Мои, едва завидев публику, обернулись грейхаундами, чтобы лишний раз не пугать народ. Хотя те, кто смотрел мой канал, наверняка были уже в курсе, как по-настоящему выглядят мои Гончие.

До чего странно. Совершенный сюр. У меня дома из Охотников никто не делал идолов. Но там и из Охоты никто не делал развлекательного шоу. Всех этих людей полчаса назад едва не сожрал драккен. А они, увидев нас, мигом забывают об этом и превращаются в восторженных фанатов. По-моему, это ни в какие ворота не лезет.

Но работа на публику – часть нашей службы, мне все время об этом напоминают. «Фан-встречи», вот как это называется. И как бы то ни было, это тоже способ убедить цивов, что они в безопасности. Поэтому я подписывала фото и старалась делать все, как Гвоздь с Молотом. Внезапно начальник цивов вспомнил, что пора работать, и шуганул всех в здание; остались лишь техники, которые ремонтировали трансформатор. А мы направились к посадочной платформе – ждать винтокрыла. Братья все еще бодрились, но я-то видела, что они вот-вот сдуются.

– А вы давно в Элите? – спросила я, чтобы их расшевелить. Ну и чтобы показать, как я ими восхищаюсь. С тех пор как я вступила в Элиту, я так ни разу толком и не поговорила с братьями – все времени не было. Да и ни с кем толком не поговорила. Мы постоянно чем-то занимались: то тренировались под неусыпным оком оружейника Кента, то нас бросали против кого-нибудь огромного, то мы несли дозоры в Пике и за его пределами – причем в таких местах, о которых я даже не догадывалась, что они существуют.

– Не так давно, как, наверное, ты думаешь, – задумчиво отозвался Молот, подняв брови. – Всего четыре года.

– Мы Охотниками стали гораздо позже, чем ты, малая, – пояснил Гвоздь. – Дар пробудился в восемнадцать, через полгода мы записались в Охотники, потом нам надоело позировать, и в двадцать один мы подались в Элиту. А сейчас нам по двадцать пять. – И Гвоздь покоился на брата, точно ожидая, что тот что-нибудь прибавит.

– Мы решили подавать прошение вместе. Мой фокус без брата не получается, – скромно признался Молот. – Но испытания мы проходили порознь. Мне кажется, я малость смухлевал в последнем.

Гвоздь откинул голову назад и расхохотался.

– Если сработало – значит, все по-честному! – фыркнул он. – У нас Стены такие мощные, что нам и делать ничего не надо. Атаковать необязательно. И, скажу я тебе, прикольно вышло. Я сделал Кента: он выдохся и сдался – устал колотиться о мою Стену. Так умаялся, что под конец не мог даже вспышечку выдать.

– А я сделал Лучника. Мне даже жалко его стало – так я его отметелил... Он ведь такой классный чувак, но... – Молот пожал плечами. – На испытаниях жалость не катит. Я просто толкал его Щит – толкал, толкал и прижал к большому Щиту, что над рингом. Я его чуть в лепешку не раздавил – только тогда он сдался.

Оба брата рассмеялись.

– Нет, Радка, ты запись покрути! Посмотри на лицо Лучника! – Гвоздь сдавленно захихикал. Я ни у кого не слышала такого забавного хихиканья, и сама развеселилась.

– Покручу, – обещала я.

И тут наш винтокрыл показался над верхушками черничных кустов.

Мы открыли Путь Гончим, и они удалились в Потусторонье, сытые и довольные. Потом мы загрузились в винтокрыл: сначала ребята, потом я. Места там было немного, поэтому пришлось двоих здоровяков пропустить вперед, чтобы они разместились первыми. А я всегда сумею как-нибудь втиснуться. Ребята пристегнулись, откинулись в креслах, закрепили подбородные ремни, чтобы голова не болталась, и закрыли глаза. Тут-то на них и навалилась вся усталость после сегодняшней битвы. Не прошло и минуты, как оба брата крепко уснули. Винтокрыл развернулся и помчался в сторону штаба. Во сне братья выглядели необычно юными.

Битва с драккеном совсем их обессилила, хотя на первый взгляд они почти ничего не делали. Но магия дается нелегко. И это еще мягко сказано. Чтобы сделать что-то магическое, нужна энергия, а энергия эта идет из самого Охотника. Эти двое, пока плющили драккена, надрывались, как чемпионы по поднятию тяжестей. Я вообще удивляюсь, как они на ногах-то стояли все это время. Да еще разыгрывали бодрячков перед работниками станции.

Но мы создаем миф, и это тоже его часть. Нам нельзя допустить, чтобы цивы разуверились в нас. Или в своей стопроцентной и абсолютной безопасности.

А что касается драккена, то я, конечно, помогла, но не выдохлась. Моя батарея была заряжена процентов на девяносто. Я постучала по перскому, набирая штаб.

– Охотница Рада, – сказала я, когда перском завибрировал.

– Слушаю, Охотница Рада.

– Поставьте меня на очередь заново, – попросила я. – Я сегодня мало что сделала.

Ну ведь правда: я нынче не перетрудилась. А если у нас будет еще один вызов, лишней Охотник может оказаться очень даже кстати. Потому что иногда это решает вопрос, справимся мы сами или надо звать военных. За время в составе Элиты я твердо усвоила одно: Элита ненавидит обращаться за помощью к военным. То есть артиллерия или там ударные винтокрылы – это одно, а вот личный состав, или армейские Маги, или армейские Охотники – совсем другое. В их присутствии сразу начинает казаться, что мы провалили дело. А сейчас – это я точно могу сказать – ни у кого из нас нет желания связываться с группой военных, в составе которой Маг. Ведь этим Магом может оказаться Ас. Он теперь в распоряжении армии, а у военных ничего

даром не простаивает. Так что, возможно, Ас где-то рядом – под охраной, разумеется, но не в тюремной камере. По крайней мере, на время «работы».

А звать на помощь Псаймонов из псайкорпуса – это еще хуже. Псаймоны владеют разными техниками воздействия на разум: телепатией, психокинезом, манипуляцией сознанием и всяким таким. Но по ту сторону Барьеров они в одиночку не работают – только с военными. Охотники Псаймонов недолюбливают. Впрочем, их все недолюбливают. Да и как иначе относиться к людям, которым в любое время дня и ночи ничего не стоит покопаться у вас в голове? А Псаймоны на Охотников смотрят свысока, словно бы думая: «Я могу сделать то, чего ты не можешь, и мне для этого не нужны никакие Гончие».

– Вас понял, Охотница Рада, – отозвался перском. – Ставлю на очередь.

Вот еще одно отличие между рядовыми Охотниками и Элитой. В штабе признают по умолчанию, что ты сама в состоянии оценить собственные силы: раз просишься на новое задание – никто спорить не станет. Помешать тут могут разве что медики. Но медики снимают с меня показания, видят, что все в порядке, и не возражают.

В шести футах¹ от шасси винтокрыла проплывали поля. Черника, помидоры, кукуруза, а дальше что-то незнакомое. Я размышляла о позывных Гвоздя и Молота. Это сочетание слов мне о чем-то смутно говорило, но о чем – я никак не могла припомнить.

Ну и ладно. Засуну эту мысль поглубже в подсознание. Авось осенит когда-нибудь посреди ночи.

Мы приближались к высоченным серебристым башням в форме конуса – эти башни и создавали Барьер. Изогнув шею, я могла смотреть в лобовое стекло. Винтокрылы, как и поезда, окружены особым полем, которое защищает при прохождении через Барьер. Но я все равно вся напряглась. Для человека столкнуться с Барьером – это как нырнуть в воду, с той только разницей, что вода обтекает кожу, а Барьер как бы проходит через тебя. Пришлецы от прикосновения к Барьеру, естественно, развеиваются в прах.

Правда, теперь-то я понимала, что не все так просто. Как выяснилось, многие Пришлецы неведомым образом научились протискиваться через Барьер, и за последнее время их в городе объявилась целая прорва. Куда больше, чем официально признают в Пике. Хотя Охотникам-то, конечно, все известно.

И словно в ответ на мои мысли запикал перском:

– Охотница Рада, как слышишь?

– Вас слышу, штаб, – поспешно ответила я.

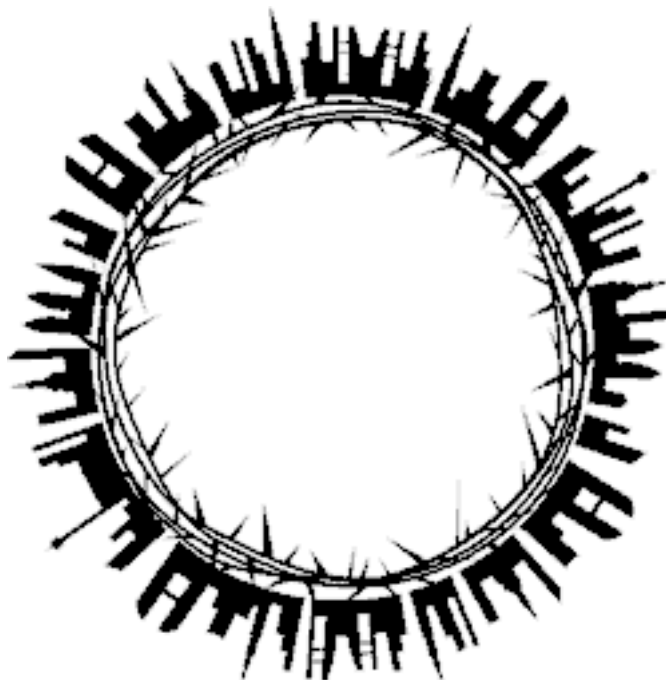
– Как приземлитесь, пересядешь на другой винтокрыл. Твой старый друг Белый Паладин нашел еще одно гнездилище глазунов. Ты и Лучник отправитесь ему на подмогу.

– Вас поняла, штаб, – ответила я. – Конец связи.

Мыслями я уже была в гнезде глазунов, поэтому даже не заметила, как нас трянуло при прохождении через Второй Барьер и Прайм-Барьер. Когда мы снижались, я держала руку на замке ремня безопасности. Шасси только коснулись посадочной платформы, а я уже выпрыгнула и стремглав понеслась ко второму винтокрылу, из которого мне махал Лучник. Винтокрыл поднялся, и мы тут же занялись обсуждением стратегии.

¹ Фут равен примерно 30 см. (Здесь и далее прим. перев.)

2

По затылку у меня тек пот; вся головная повязка взмокла. Но потела я от напряжения, а не от страха. Я удерживала магическую сеть над бурлящей, мечущейся стаей глазунов. Мы укрылись за разрушенной стеной – гнездо было на другом ее конце. К счастью, глазуны не догадывались, где я прячусь – а то вместо мозгов у меня уже был бы кисель.

Вот уже несколько минут тишину нарушало размеренное пощелкивание. Это Марк – Белый Паладин – отстреливал из винтовки шакалов. Шакалы – симбиотические партнеры глазунов. Издали они очень похожи на обычных охотничьих собак вроде биглей. Но шерсть у них белая, а глаза и уши – багряно-красные. Вблизи кажется, что эти твари плачут кровавыми слезами. И зубы у них острее ножа. Марк нашел себе отличное убежище на ветке дерева: можно сколько угодно палить из винтовки – шакалам туда в жизни не забраться. А его Гончие – красивые белоснежные создания, напоминающие крылатых львов, – гоняли от него отбившихся глазунов.

Все-таки приятно, когда от тебя польза не в качестве наживки. Вот сейчас, например, я себя ощущаю полноправным членом команды.

Вам, наверное, любопытно, каково это: держать магическую сеть. Представьте, что у меня две гигантские руки и растопыренными пальцами я старательно придавливаю края сети к земле. А твари, попавшие в сеть, беснуются и рвутся наружу, как будто под сетью скачет целое стадо диких козлов. Однако глазуны – это вам не козлы. Глазун похож на гигантское глазное яблоко, сидящее на волосатом клубке. А снизу из клубка торчат жирные розовые щупальца. И если вы встретитесь с глазуном взглядом, то пропала ваша головушка: глазун вам мозги зажарит и подрумянит.

– Готова? – спросил Лучник. Он сидел рядом на корточках и разминал руки. В руках у него ничего не было.

Я кивнула. По моему кивку Лучник выскочил из укрытия, и внезапно в руках у него возник сияющий лук со стрелой на тетиве. За секунду, если не меньше, Лучник выпустил штук пять таких стрел и снова нырнул в наше убежище за разрушенной стеной. С другой стороны

протрещали пять выстрелов. Я осторожно высунулась из-за стены. Пять глазунов лишились Щитов. Мерзкие глазастые клубки, теперь беззащитные, тряслись с перепуга.

«Давай!» – мысленно приказала я Ча, и пять моих Гончих бацнули из укрытия через сеть, похватали «голых» глазунов и стали их трепать, пока не затрепали до смерти. Глазуны сдохли и растворились так стремительно, что даже не успели издать свой душераздирающий предсмертный вопль. Гончие мигом бацнули назад, спасаясь от взгляда живых глазунов.

Если я колочу по Щиту глазуна магическим молотом, а Гончие поливают его огнем, то на один Щит у нас уходит несколько минут. А Лучник за считанные секунды разбил пять Щитов.

Лучник смотрел на меня. Ждал знака, что Гончие снова вышли из укрытия. Ча просигнализировал мне, и я кивнула Лучнику:

– Можно.

Он снова поднялся и начал стрелять.

Лучник – из Охотников постарше. Он приземистый, плотно сбитый и очень мускулистый. У него седеющие каштановые волосы, намек на бороду и усы и хмурое лицо, на котором почти всегда написана мрачная решимость. Правда, сегодня решимость была не столько мрачная, сколько яростная. Я выглянула из-за стены, убедилась, что он попал во всех глазунов, в которых целился, и кивнула Ча.

Гончие, которые не могли бацать, как Кусач и Дергач, занимались шакалами, поспешившими на выручку приятелям-глазунам. Шакалы, даже раненые, не издавали ни звука. Если вы не знаете, что тут у нас происходит, то вполне можете принять отстрел шакалов за тренировочную стрельбу по мишеням. Щелк! Щелк! Вспышка, вспышка, еще вспышка. Ну собрались друзья, ну решили пострелять забавы ради – почему бы и нет?

Усилиями Лучника и Гончих глазунов становилось все меньше, и держать сеть было легче. Высунувшись в очередной раз, я увидела, что уже можно затягивать. Что я и сделала. Меньше сеть – меньше расход магии.

«Что шакалы?» – мысленно спросила я Ча.

«Почти готовы. Кусач и Дергач славно потрудились. Ангелы приканчивают тех, кого ранил Паладин». При слове «Ангелы» у меня в голове отчетливо прозвучал сдавленный смешок. Так называли Гончих Марка у него дома. Марк был из Христовых, но не такой замороженный, как те, с кем мне доводилось иметь дело.

Винтовка смолкла. Видимо, у Марка иссякли мишени.

– Паладин вызывает Лучника, – раздалось из перскома. – Шакалы уложены. Шакалы уложены.

– Можешь видеть гнездо со своего места? – спросил Лучник в перском.

– Так точно. Устроим двойной обстрел?

– Понял. Радка ослепит их вспышкой. – Лучник кивнул мне, я кивнула в ответ. Сейчас уже не надо держать сеть с двумя-тремя десятками барахтающихся глазунов. Вспышку я осилю. – Сначала вспышка, потом мы стреляем. Три... два... один!

Я подскочила и врезала по уцелевшим глазунам заклиниванием. Обычный гигантский всполох света максимально возможного спектрального диапазона. Я такой применяла против дракена. Когда свет рассеялся, я быстро юркнула в укрытие.

Выжившие глазуны ослепли, и теперь Лучник мог пускать в них свои магические стрелы сколько душе угодно. Снова затрещала винтовка: как только Лучник разбивал Щит глазуна, того тут же укладывала пуля Марка. Вот выстрелы стихли. Значит, все кончено.

Я отпустила сеть. Та растворилась, а я размяла сведенные судорогой руки. Лучник привалился спиной к стене и устало съехал вниз. Покопавшись в рюкзаке, я протянула ему бутылку с водой и несколько энергетических кубиков для подкрепления сил.

Он принял все это и поблагодарил меня слабой улыбкой. Мы с ним вместе поели и попили, дожидаясь, пока Марк слезет со своей ветки и присоединится к нам.

– А почему такие лук и стрелы? – Мне не терпелось спросить об этом Лучника с тех самых пор, как я впервые увидела его в деле. – Почему не стрелы-молнии? Не огненные стрелы?

Тут подошел Марк. Он уселся рядом на корточках, и я протянула ему еще одну бутылку. Лучник пожал плечами и сделал большой глоток.

– Магия идет больше от чувств. Не отсюда, – он постучал пальцем по лбу, – а отсюда, – он коснулся груди. – Молнии мне казались не очень мощными. А с магическим ружьем у меня не заладилось. Что-то в нем было не то. Мой наставник в Озерном крае пользовался огненным мечом, и я подумал: не попробовать ли лук? Попробовал – и вроде пошло. Вот потому и лук со стрелами.

– Зато стрелы никогда не кончатся, – хмыкнул Марк. Он глянул, сколько у него боеприпасов, и поморщился. – Жаль, я не могу делать магические пули. Я вообще ничего не могу – только Щит, да Письмена чертить, да Путь открывать...

Лучник покосился на Марка и невозмутимым тоном произнес:

– Это не так.

Марк очень рослый парень. Высокий, плечистый, светловолосый. Ему очень подходит фамилия Паладин – он совсем как рыцарь из историй про короля Артура. И выбить его из колеи довольно трудно. Но сейчас он изумленно хлопал глазами на Лучника, словно тот с размаху залепил ему по лбу.

– Так ты ничего не замечаешь? – Лучник потрясенно покачал головой. – Невероятно. А ты не обращал внимания, что каждым выстрелом ты без промаха укладываешь наповал? Кроме тех случаев, когда ты хочешь оставить тварь Гончим. Тогда ты не укладываешь, а ранишь.

Марк так остолбенел, что, казалось, ткни пальцем – упадет.

Лучник заговорил с ним медленно, отчетливо, как с ребенком:

– Твоя магия направляет пули. И видимо, уже достаточно давно. Я не удивлюсь, если однажды обнаружится, что ты, если захочешь, можешь стрелять из-за угла.

Марк беззвучно шевелил губами. И наконец пробормотал:

– А как... а откуда ты узнал?

– Я Видел, – просто ответил Лучник. Он имел в виду то самое магическое видение, которым мы все наделены. – Ты сам не Видишь потому, что сосредоточен не на пуле, а на цели. Это единственное объяснение. И это нормально: если бьешь с помощью магии, ты и должен думать о том, куда бьешь.

– Я... э-э-э... – промямлил Марк. Лучник испытующе посмотрел на него и увидел то же, что и я. А именно: Марк Паладин совершенно сбит с толку.

– Знаешь, в чем разница между тобой и Радкой? Если не считать количества Гончих? – спросил Лучник и продолжил, не дожидаясь ответа: – Радка уверена, что всегда есть чему учиться. Есть куда расти. Всегда отыщутся новые пути магии, которые можно освоить. И она постоянно учится, никогда не останавливается и делается все сильнее и сильнее. Поэтому Кент без раздумий допустил ее к испытаниям, хоть она и была совсем зеленая. Магия – это как мускулы, Белый Паладин. От работы она становится крепче. А ты становишься искуснее.

– Я... – Марк помотал головой. – Мне всегда говорили, чтобы я довольствовался тем, что есть. От добра добра не ищут.

– А, вон оно что. Это тебя дома так учили? – уточнил Лучник. А я сидела и помалкивала в тряпочку. – Ну вот, теперь ты узнал про себя кое-что новенькое. Как распорядиться этим знанием – дело хозяйское. Главное, помни, что силком ничего не добьешься. Магия отзывается на веру, не на разумные доводы. Просто поверь, что ты умеешь направлять пули, и потренируйся, постреляй по мишеням. Говорю тебе: совсем скоро будешь стрелять из-за угла. Исключительно полезный навык. – Тут Лучник испытующе посмотрел уже на меня и поинтересовался: – А тебя кто научил искать добра от добра?

– Никто не учил, – ответила я. – Сама догадалась, это же логично. Ты ведь сказал: мускулы крепче от работы. Ну и упорство, наверное, тоже. – Я лихорадочно соображала, что можно сказать насчет одного-единственного Охотника, которому действительно полагалось быть на Горе. Это один их тех недотеп, каких Пик-Цивитас сбегривает на сторону по принципу «на тебе, Боже, что нам негоже». Охотник все еще у нас. Но сразу по прибытии он зачем-то затеял поединок с диким Жителем. Очень глупая затея. И в итоге Житель расплавил ему мозги. Поэтому этот олух сидит в комнате с мягкими стенами и пускает слюни. А один из Учителей строчит за него рапорты в Пик. – Мой наставник не сильно одаренный, да к тому же не любит отрывать зад от стула. Он не знает тех людей, среди которых я выросла, и знать не хочет. Ему на них плевать. А мне нет. Вот я и стала учиться сама, чтобы защищать их. – Я отпила большой глоток, чтобы успеть еще подумать. – А ты видишь в этом особый смысл?

– Если ты сама его видишь – значит, он есть. – Лучник чуть улыбнулся. – Это одна из первых истин, которые усваиваешь в Элите: то, что работает, имеет право на существование. Кстати, с вами обоими приятно было Охотиться. Джон Шепард. – Он подал мне руку, и я пожалала ее. Потом он также протянул руку Марку.

– Марк Паладин, – представился Марк, пожимая протянутую руку. – И спасибо, что были так быстро.

– Работа у нас такая, Марк, – отмахнулся Лучник. – И кстати, хватит дурью маяться. – Он развернул перском к себе и произнес: – Элит-отряд ЛР запрашивает транспорт. Гнездо глазуннов нейтрализовано.

– Вас понял, отряд ЛР.

Лучник поднялся:

– Может, и тебя захватим, Паладин? А то ведь буря идет, помнишь?

Марк посмотрел на Гончих, собравшихся вокруг него. Они пофыркивали – как будто насмешливо. Он улыбнулся и покачал головой:

– Мы доработаем. До конца смены буря все равно не грянет. У нас перед этим гнездом были одни гоблины.

– Для шоу самое оно, – хмыкнул Лучник и изобразил гримасу, которая у него шла за улыбку. По крайней мере, при мне.

Марк лишь молча пожал плечами. Я хотела что-нибудь сказать, но тут вдалеке застрекотал винтокрыл. Наверное, тот, который доставил нас, сел где-то неподалеку и ждал, пока мы его вызовем. Поэтому я лишь сказала:

– Увидимся в штабе, Марк.

А он кивнул и наконец улыбнулся.

Тут как раз показался винтокрыл, и мы залезли внутрь. Марк помахал нам и двинулся дорабатывать смену; Гончие кружили у него над головой. Винтокрыл набрал высоту и начал ускоряться, как вдруг Лучник нахмурился и немного высунулся из открытой дверцы. Я не успела и рта раскрыть, как он постучал пилота по плечу и показал ему пальцем: мол, сделай круг, приятель. А потом обернулся ко мне.

– Вон там, внизу! – крикнул он, указывая куда-то. Винтокрыл тем временем накренился, закладывая круг. – Быть того не может... Но могу поклясться, я видел... – Он не договорил, давая понять, что видел что-то несусветное. Не обычное чудище.

Меня прошиб холодный пот. Я тоже подалась вперед, насколько позволял ремень безопасности, и взглядела туда, куда показывал Лучник.

И там... там правда что-то было! Оно появилось и исчезло стремительно, за долю секунды, но я разглядела мелькание чего-то лавандового и пурпурного – то ли ткани, то ли волос – а возможно, и того и другого. И еще что-то блеснуло. Драгоценность? А затем...

Оно пропало. Под нами тянулись заросли кустов и сорных трав. Я подняла глаза и встретила ошеломленный взгляд Лучника.

– Ты видела?! – выкрикнул он.

Я медленно кивнула.

Винтокрыл выпрямился и вернулся на прежний курс.

– Сделать еще круг, Охотник? – спросил пилот.

Лучник выразительно глянул на меня и ответил:

– Да нет... Хотел убедиться, что глазунов не осталось. Мне вроде один недобиток померещился – но нет, обознался. Просто куча хлама.

Я помалкивала. Если Лучник не хочет докладывать об увиденном, то и мне не стоит. Да и, в конце концов, что мы с ним видели-то? Что-то промелькнуло, и все... Может, это нам почудилось от усталости. Мы же только что укладывали глазунов, а они как раз туманят мозги. Впрочем, как и Жители.

И все-таки... этот лавандовый проблеск... Лавандовый – цвет того самого Жителя-Волхва, который так интересовался моей персоной. Вот честно: стоило мне об этом подумать – у меня сразу живот скрутило и я вся заледенела от испуга. Не знаю, что ему от меня понадобилось. Знаю одно: если вас заметил Житель, а в особенности Волхв, хеппи-энда у вашей истории не случится.

Я понимающе кивнула старшему Элит-Охотнику. Он пожал плечами, скривился и pokrutil пальцем у виска, как бы говоря: «Совсем мозги всмятку». Я опять кивнула. Мы оба вздохнули и уселись поудобнее.

Я прикрыла глаза. Может, стоит снова встать на очередь? Сейчас, после Охоты меня отпускало довольно быстро. Я ведь и сделала-то всего ничего: сеть да вспышки. Лучник – вот он совсем выдохся. А я чем дольше сидела в винтокрыле, тем больше ощущала в себе силы для продолжения. Когда мы садились у штаба, я уже решила, что пойду на Охоту еще. Перекушу по-быстрому и пойду.

Но едва мы ступили на землю, Лучник вцепился в мой локоть и потащил куда-то прочь, подальше от стрекочущего винтокрыла. Чтобы можно было разговаривать нормальным голосом, без крика.

– Пойдем-ка внутрь, потолкуем о том о сем, – сказал он. – И заодно пожую чего-нибудь.

У Элиты есть собственная кухня. Потому что в столовский режим мы обычно не вписываемся: нам надо есть то раньше, то позднее.

На нашей кухне стоит морозильник, набитый полуфабрикатами, скорогрей и еще холодильник с прозрачной дверцей – там еда, которую не надо готовить или разогревать.

Лучник набрал три тарелки всякой заморозки, а я соорудила себе сэндвичей с помидорами. Мы уселись за столик, где могли бы впритык поместиться шестеро, и принялись за еду.

В кухню зашел еще один Охотник из Элиты – молодой (и, между прочим, очень симпатичный) парень с позывным «Ретро». Он взял несколько фруктов. Ретро, как и мы, был в Охотничьем костюме – в серо-серебристо-зеленом наряде без рукавов. И очень облегающем. Заметив нас, Ретро широко улыбнулся. Мне улыбнулся. Я заморгала.

– Радка, привет! – сказал он.

И вдруг как давай жонглировать фруктами! Я опять заморгала. У Ретро поразительно синие глаза, худое лицо, выдающийся подбородок и лохматая светлая шевелюра. И когда он вот так смотрит, я почему-то теряюсь.

– И тебе привет, – пролепетала я.

– И когда мы с тобой идем на свидание? – осведомился он таким тоном, будто наше с ним свидание само собой разумелось.

– Я... э-э-э... – проямлила я. – Я как бы уже встречаюсь кое с кем...

– Со злым Псаймоном, да? С ним одним? – И он вопросительно поднял брови, не переставая жонглировать.

– Н-ну-у... – изрекла я. А чего я удивляюсь? Пора уже привыкнуть, что все в курсе моей личной жизни. Все же смотрели мой канал, пока я не вступила в Элиту.

– Значит, не с ним одним. Тогда подумай! Сама гляди – разве можно на меня не клонуть? Я ведь клевый малый!

– Чего-чего? Клева мало? – невозмутимо переспросил Лучник.

– Душа поет, когда клюет, – подмигнув мне, дурашливо пропел Ретро.

Лучник закатил глаза. Ретро закончил жонглировать, ловко поймав яблоко ртом, и удалился.

Я не знала, что и сказать. К счастью, Лучник вообще не смутился.

– У нас на одну девчонку – трое парней, – заметил он. – Он бы по-любому пригласил тебя на свидание. Зная Ретро... Даже странно, что он тянул так долго.

– Э-э... ну ладно, – булькнула я. – А ты о чем хотел со мной поговорить?

Хоть бы он-то не завел эту песню про свидание. Я восхищаюсь Лучником, у него можно куче всего научиться, но для меня он все же староват...

– О тебе. – Лучник усталил на меня картофельную соломинку. – Ты не как другие новобранцы, Рада Чарм. Почему?

Я впиалась зубами в сэндвич, давая себе время собраться с мыслями.

– Может, это из-за того места, где я выросла. Это община, она возникла еще до Дисерея. – Чистая правда. Если разобраться – чем Монастырь не община? – И кажется, по здешним меркам у меня... несколько другие взгляды.

Лучник кивнул:

– Тут не поспоришь. И так. – Он доел свою картофельную соломинку и приступил к чему-то похожему на жаркое. – Скажи мне, Охотница Рада, чему ты хочешь научиться?

Действительно – чему? Ясно, что всему на свете, но если поконкретней... Я примолкла и задумалась.

– Я еще мало знаю, чтобы верно судить о том, чего не знаю, – ответила я. – Скажем так: всему, чему меня готовы учить.

Лучник опять кивнул:

– Я это передам. И я бы предложил тебе почитать кое-что. Но самое важное я уже сказал Белому Паладину: магия идет от чувства, а не от разума.

Что-то в этом духе говорили мне Учителя. Но я сделала вид, что насчет магии и чувств – это для меня новости. Однако Лучник не закончил.

– И важно еще кое-что. Ты, надо думать, пока не совсем тут обвыклась, – продолжил он, отодвигая стопку пустых тарелок. – Все, что ты видишь, – либо наносное, либо поддельное. Кругом маски. Ничто в этом мире не является тем, чем кажется.

Лучник смотрел как-то загадочно. Это он не о пришлецах, пронеслось у меня в голове. Он, наверное, говорит обо всем Пик-Цивитасе. Я ведь уже хлебнула городской жизни, немного понимаю, что к чему.

– Каждый носит маску, – медленно произнесла я.

Лучник с ухмылкой ткнул в меня пальцем:

– Вот-вот. Точнее и не скажешь.

– Ну ладно. – Подкрепившись, я сразу почувствовала себя человеком. – А теперь я, пожалуй, снова встану на очередь...

– Это ни к чему, – перебил он.

И указал на экран за моей спиной. На этом экране обычно крутился новостной канал. Я обернулась: сейчас там транслировали метеокарту с Пиком в центре. На нас стремительно надвигался грозовой фронт – не красный, не оранжевый, как обычно у нас на Горе, а почти фиолетовый с алым хвостом.

– Грозовой фронт, – невозмутимо прокомментировал Лучник, подтверждая мои мысли. – И довольно большой. Ты тут недолго, не видела здешних бурь. В такую бурю никто носа не высунет, даже гог с драккеном. Нас уверяли, что гроза пройдет стороной, но... – Он пожал плечами, словно говоря: «Вот и верь этим синоптикам».

Оба наши перскома испустили какие-то особенные трели – сигнал был мне незнаком. После этого прозвучало объявление – видимо, предварительно записанное:

– Всем Охотникам. Идет грозовой фронт. Всем Охотникам. Вернуться на базу.

Я дважды ткнула в перском: подтвердить, что извещение получено, и закрыть сообщение. Лучник спустя секунду сделал то же самое.

– Наши большие бури – это чаще всего метели, – пояснила я. Лучник изучал что-то у себя в перском. – Они не стихают по нескольку дней.

И мне вспомнилась одна такая метель. Большая часть Монастыря вкопана в Гору, поэтому Учителям только и дел было, что навесить на окна тяжелые деревянные ставни, перенести все тренировки на воздухе в залы для боевых искусств и целиком положиться на ветер, который снабжал нас электричеством. Но деревенским приходилось всю осень сооружать крытые соломой коридоры между домами. Зато, когда налетали метели, с такими коридорами снежные завалы были не страшны: подумаешь, лишняя пара футов снега на соломенной крыше. У нас иногда случались и сокрушительные, гибельные бураны – но раз в пару лет, не чаще.

– А мы теперь заперты минимум на двенадцать часов, а то и на все два дня. – Лучник красноречиво глянул на меня. – Помнишь, ты несла дозор в ливневых водостоках? Они недаром такие широкие. – Лучник потянулся. Я пыталась вообразить водостоки, куда с ревом низвергается вода. – Хорошо, что мы сегодня успели как следует Поохотиться. Гончие не оголодают до конца бури. Но все каналы станут крутить повторы, и в гостиной на этот счет бухтеть будут погромче грома. – Уголок его рта дернулся в усмешке, и я фыркнула.

– А если кто-нибудь ужасный выскочит за пределами грозовой тучи? – с тревогой осведомилась я.

– Надеюсь, нет. – Лучник уже поднялся, чтобы уходить. Он хлопнул меня по плечу и указал на карту. – Погляди сама. Видишь, какая огромная территория бури? За край бури надо добираться несколько часов, даже без грозы. А за пределами бури есть свои Охотники. Плюс еще армейские Охотники.

Но они же не Элита, чуть не крикнула я. Хотя Охотники, и военные, и старые добрые Маги управлялись с пришлецами задолго до того, как появилась Элита. Да и сам Пик тоже. Поэтому я молча кивнула. Когда Лучник уходил, я заметила, что он немного прихрамывает. Может, это он когда устает? Интересно, что у него с ногой?

Меня разобрало любопытство, поэтому я вышла наружу поглазеть на бурю. И у меня дух захватило! Я видела как-то идущий большой буран, когда помогала прилаживать ставни. И это было мощное зрелище. Но эта буря... Она рубила сплеча и сразу давала понять, какая ты на самом деле букашка перед буйством стихии.

Надо мной небо оставалось безоблачным, но вдали оно налилось иссиня-черным, и ветер уже дул достаточно сильно: мне пришлось налечь на дверь, чтобы ее открыть. Только что было тепло, но налетевший ветер дышал стужей; запах дождя заполнил горло и легкие. Гроза неслась, оседлав сотни ослепительных молний. А гром грохотал так долго, так раскатисто, точно тысяча барабанчиков били в самые громадные барабаны Вселенной.

Крошечному человечку делать здесь было нечего. И я юркнула внутрь.

Окон в штабе, ясное дело, немного – из соображений безопасности. Но есть одно местечко, где я смогу худо-бедно понаблюдать за небом. Это сад камней в атриуме, где пруд с золотыми рыбками. Надо только сбегать за рыбьим кормом – а то ведь рыбки знать не знают,

что снаружи творится ад крошечный. Они живут в своем заповедном мирке, и, как сказал Марк, не стоит подрывать их веру.

Я уселась на скамейку возле пруда. Рассеянно кидая в воду корм, я наблюдала за небом через стеклянный потолок. Небо сделалось почти черным, как ночью, но в нем непрерывно полыхали молнии. Дождь еще не начался, поэтому тучи пока были хорошо видны. Они изрыгали молнии безостановочно, целыми потоками – и молнии озаряли утробы туч изнутри.

Стекло в фут толщиной отделяло меня от стихии, и все же при каждом ударе грома все вокруг содрогалось. Насчет рыбок я оказалась не права. Они попрятались в тени нависших над водой камней или под листьями лилий. Я осталась один на один с бурей, и толстенный слой стекла казался мне тонкой корочкой.

А потом грянул дождь. Он именно что грянул. Я так и подпрыгнула, едва не свалившись со своей скамейки. Умом я понимала, что штаб выстоял в сотне, да нет – в тысяче таких бурь, и тем не менее вся холодела от ужаса. А вдруг стекло не выдержит – что тогда? Да и как оно может выдержать такое светопреобразование! Мое воображение, вскормленное горными бурями, уже рисовало градины величиной с мою голову, которые сыплются на меня через пробитый потолок. Поэтому я встала и по-быстренькому ушла подальше отсюда.

Только к себе мне идти не хотелось. Снаружи бушует стихия, рокочет гром, а внутри все ходит ходуном. Нет уж, одна я сидеть не буду. Мне нужна компания – причем здесь и сейчас. И я направилась напрямик в гостиную.

Я оказалась не единственной, кто жаждал общества. В гостиной яблоку было негде упасть. И Лучник, и оружейник Кент, и Гвоздь с Молотом – все собрались тут. Искра тоже была здесь: она втиснулась на большой диван между четверью другими Охотниками. Одна из этой четверки была Элит-Охотницей, Скарлет по позывному. Хотя, возможно, это ее настоящее имя. Скарлет – умопомрачительная красавица. У нее длинные красные волосы, лицо и тело античной богини и осанка танцовщицы. И к тому же среди моих новых товарищей по Элите она самая приветливая. Вот и сейчас она подбадривала Охотника-новичка, который явно струхнул из-за бури. В действительности народу было так много, что по большей части я видела спины, плечи и затылки. Я расстроилась, что нет Марка, и, тут же встревожившись, полезла в перском. К моему облегчению, гаджет сообщил мне, что текущий статус Марка «у себя». Ну, он и в обычное-то время не большой любитель посиделок в гостиной, а сейчас тем более: тут такая толпа. Наверное, он засел у себя и крутит какой-нибудь громкий ролик, чтобы заглушить гром.

Я заметила Ретро и даже слегка напряглась: а вдруг он протолкается ко мне и опять примется за свое... ну, не знаю... Еще начнет на меня давить. Но, поймав мой взгляд, он лишь поднял брови и, с улыбкой помахав мне, вернулся к прерванной беседе.

Вы небось уже подумали: что же это за Охотники такие? Каждый день Охотятся на страшных чудищ, а сами грома испугались! И если по-честному, вы будете правы. Мы себе внушаем, что за толстыми стенами нам ничего не грозит – а поджилки-то у нас еще как трясутся. Гибельные бури Дисерея не оставляют наш мир, бичуя нас за грехи наших предков.

Экран в кои веки не показывал очередной Охотничий ролик. Кто-то заиклился на нем запись с уютно потрескивающим камином. При виде камина на меня снова навалилась тоска по дому – такая, что хоть плачь. Я чуть ли не на вкус ее чувствовала.

Я уже собралась уходить, но тут меня заметил Трев – и как давай мне махать и тыкать пальцем в пустое кресло рядом с собой. Сара и Реджи заинтересовались, чего это он размахался. Они тоже меня заметили и тоже замахали как ненормальные. Теперь не отвертись, мысленно вздохнула я. Пришлось натягивать на лицо широченную улыбку и продираться через толпу к ним.

Тут меня кто-то ухватил за талию, рывком перевернул через спинку дивана и усадил прямо на то самое пустое кресло. Оказалось, это Молот. Я благодарно улыбнулась, а он просиял

в ответ и пошел дальше – не знаю, куда он направлялся, мне было не разглядеть в толчее. А я развернулась к своим друзьям.

Друзья...

Что мне не светит здесь ни с кем подружиться – нет, такого мне в голову не приходило. Хотя изначально все к тому шло. Из-за жесткой конкуренции в рейтинге на меня сразу стали косо посматривать. Но со временем я разобралась, что тут и как. Для кого-то и впрямь рейтинг важнее работы, но таких немного. А большинство здешних ребят не отличаются от Охотников у нас дома.

– Ты-то не попала в грозу? – спросил Трев. Искра тоже меня увидела и, просочившись к нам, опустилась на мягкий подлокотник моего кресла.

– Мы Охотились с Лучником и Паладином, но закончили до тучи на горизонте. Мы улетели, Паладин остался. Но я проверила: он уже тут.

– Паладин последним объявился, вот псих упертый. – Искра тряхнула головой. Она распустила волосы, которые обычно стягивала в пучок на затылке, и они нечесаными розовыми волнами падали ей на лицо. – Я выдвинулась на смену, и тут отбой. Повезло: меня как раз направили в ливневые водостоки. Говорили, вся эта фигня начнется гораздо позже и нас разве что краем зацепит.

– Буря все мощнее и быстрее, и вдобавок ветер сменился пару часов назад, – вмешался Реджи, долговязый худой парень с грустным, как у собаки-бладхаунда, лицом. – Мы тут на всю ночь застряли. А то и больше. С этими лютыми бурями никогда точно не скажешь.

Как-то это странно. Не припомню, чтобы дома наши метели резко меняли направление и вообще вытворяли что-нибудь этакое. Но слова Реджи никого не смутили. Очевидно, тут лютые бури с причудами в порядке вещей. Ладно, не буду лезть с расспросами.

– А что будет с населением Отстойника? – Я обвела взглядом друзей. Реджи пожал плечами – не равнодушно, а как бы отвечая «Кто их знает».

– Наверное, из-за них Паладин так задержался, – выдавила Искра. После той злосчастной Охоты на глазунов, когда погиб Паулз, брат Аса, Искра к Паладину стала относиться помягче. Да и многие другие тоже. – Спорю на что хотите, он обошел там всех поголовно, всех предупредил и еще проследил, чтобы люди нашли укрытия.

– Зато, когда гроза уляжется, в водостоках хоть какое-то время будет чисто, – сказал Трев.

Кто-то принес напитки, и каждый из нас взял по бокалу. Я подняла взгляд на человека с подносом и увидела незнакомую девушку в бледно-зеленой форменной тунике и брюках в тон. Я ей улыбнулась, а она улыбнулась в ответ, забрала пустой поднос и исчезла в сутолоке.

Похоже, это кто-то из персонала. До этого я сталкивалась с персоналом в рекреации, медчасти и имидж-центре. Здешние служащие – настоящие невидимки. Но не успела я толком обдумать эту мысль, как появились еще люди в форме. Они величаво несли сквозь толпу огромные металлические подносы. Три подноса поставили на стол возле нас – и гостиная наполнилась фантастическим ароматом. Я не поверила своим глазам. Такую еду я видела лишь в роликах, снятых до Дисерея. Это был легендарный деликатес – пицца!

Нет, конечно, на Горе знали, как она делается. Но у нас и печи подходящей не было, и топлива, чтобы поддерживать жаркое пламя, да и многих ингредиентов недоставало. Мои товарищи не раздумывали ни секунды. Они рванули к подносам так, будто их все это время морили голодом. И я тоже рванула к ближайшей пицце.

Городскую еду, прямо скажем, не сравнить с той, что мы едим дома. Я уже к этому привыкла. Разве что в тех навороченных местах, куда меня водит Джош, кормят ничего себе. Но эта пицца...

Я широко раскрыла глаза, а потом блаженно зажмурилась. И сама не заметила, как кусок пиццы растаял у меня во рту, и я не раздумывая кинулась за добавкой. Искра поймала мой взгляд, когда я цапнула второй кусок, и заулыбалась.

– О, дары и силы, – ответила я на ее безмолвное «ну как?». – Это что-то невероятное.

– Это оттого, что тебе сейчас скверно! Поэтому и пицца тает во рту, – закивала она. – Нам всегда ее готовят в грозовые ночи. Повышают нам уровень эндорфинов.

С моими эндорфинами был полный порядок – они разве что из ушей не лезли. Я взяла кусок пиццы с другой начинкой – и тоже оказалось вкусно. На четвертом куске я осознала, что, кажется, уже перебор, и бессильно развалилась в своем кресле. Но потом принесли еще пицц, уже сладких – с яблоками, изюмом, медом и пряностями. Не попробовать их было бы свинством.

Все объелись до одурения. Разговоры мало-помалу стихли; народ рассаживался где придется, в том числе на полу. Кто-то включил видсистему: показывали заведение наподобие клуба. Там было вообще не протолкнуться. Но музыка звучала приятная.

– Это запись? – спросила я у Трева.

Он тряхнул лохматой шевелюрой:

– Нет, это грозовая вечеринка. Народ, кому не надо с утра на работу, когда объявляют бурю, собирается в любимых клубах. Они там тусуются, танцуют, выпивают, пока гроза не стихнет. А это, надо думать, ролик с какой-нибудь знаменитостью.

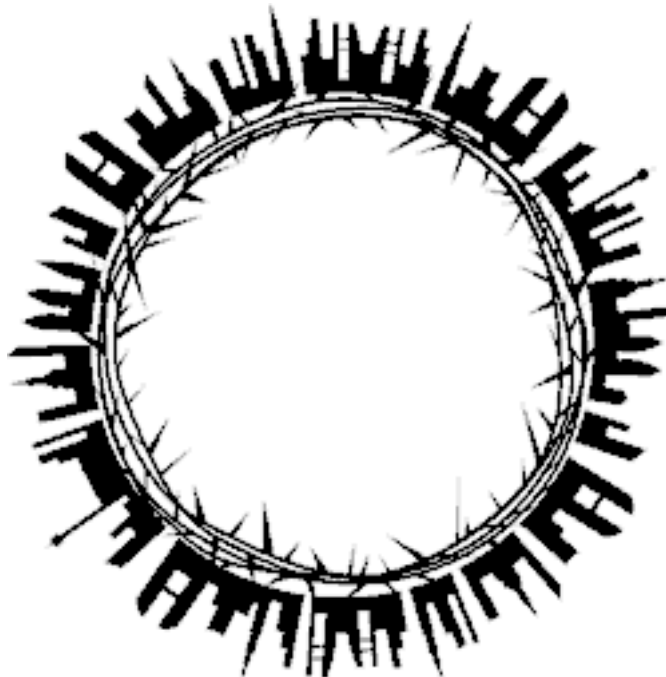
Я кивнула. Понятно, стадный инстинкт. Мы, Охотники, набившиеся в гостиную, в точности как те тусовщики в клубе. Буря – это что-то очень большое, очень страшное. И нам хочется сгрудиться, прижаться друг к другу и заняться чем-то, чтобы отвлечься от бушующей снаружи стихии.

И это навело меня на мысль о Марке. Я отправила ему сообщение: «Пиццы хочешь?»

Он ответил сразу же: «Я подумывал об этом. Но неохота толкаться».

Не вопрос, Марк! «Я тебе принесу», – написала я. А то так нечестно. Марк все-таки мой лучший друг здесь, в штабе. И что, моему лучшему другу теперь без пиццы сидеть?

3

Я постучалась в дверь Марка Паладина. Меня прямо к этой двери привел перском: раньше-то я у Марка никогда не бывала.

– Доставка пиццы! – выкрикнула я.

Я держала на весу поднос, заваленный кусками пиццы, в том числе и сладкой.

Поднос каким-то неведомым образом не остывал и подогревал пиццу. Марк открыл дверь, и я вручила ему поднос.

– Ты что, ходил по Отстойнику и всех предупреждал? – осведомилась я.

Он, кажется, удивился, что я спросила. И ему было приятно.

– Они вообще знают про погоду побольше нашего, – сообщил он. – Но да, я их всех уговорил спрятаться – всех, кого нашел. На самом деле с укрытиями у них все не так плохо, как можно подумать. Защита от бурь у них имеется.

От бурь – да, а от пришлецов – нет. Именно поэтому Охотники несут дозор в Отстойнике – я так это понимаю. И Марк, видимо, со мной согласен.

Марк неловко топтался у двери. Все с ним ясно. Паладин же Христовый, да вдобавок он помолвлен с девушкой. Держать меня на пороге вроде как невежливо. А пригласить в комнату нельзя, потому что это якобы угрожает моей добродетели. И его, кстати, тоже. Да, представьте, у Христовых вот так. Типа, Марк, приглашая меня к себе, нарушает обет верности, данный невесте. И наши с ним души рискуют оказаться в аду.

– Ты молодец, что о них позаботился, – сказала я. – Ну, раз голодная смерть тебе больше не грозит, я, пожалуй, пойду назад.

– Если хочешь понаблюдать за бурей, включи какой-нибудь внешний штабной канал, – посоветовал Марк. – Всякий раз радуюсь, что крыша у нас железобетонная.

Я кивнула. Марк, уже не в силах терпеть, принялся за еду. Он вежливо предложил и мне разделить с ним трапезу, но я покачала головой:

– Ешь сам на здоровье. Хорошо хоть водостоки какое-то время будут чистые.

– Ага. Еще пару дней в резервуарах будут вылавливать мертвых пришлецов. Прикинь, до чего паршивая работа.

Вот оно что. Значит, ливневые водостоки ведут в резервуары.

– Дома мы тоже собирали дождевую воду. Она не такая ядовитая, как в источниках и колодцах. – Дом, где раньше жил Марк, был местом гиблым. – Но теперь-то нам без большой нужды возиться не придется, – улыбнулся он. – И все благодаря тебе. Мне сегодня пришла первая пачка писем с тех пор, как мои переехали. Они от ваших гор в восторге... – Тут Марк моргнул. – Ой, а ты письма получила?

Марк не в курсе, что я получаю письма когда захочу. Ча у меня за почтальона: доставляет мне письма Учителей и относит в Монастырь мои. Но так я переписываюсь только с Учителями.

– Наверняка получила. Я еще у себя не была.

Мне уже просто не терпелось добраться до своих комнат. И буря тут была вовсе ни при чем.

– Тогда беги, не буду задерживать. Я как раз читаю свои, пока одолел половину. – Марк улыбнулся и, покраснев, слегка потупился. Значит, пришло письмо от его девушки. И, скорее всего, не одно.

– Джесси, да? – уточнила я. – Ее зовут Джесси, верно?

– Ага, Джесси.

Марк смутился, словно школьник перед первым свиданием. Христовые вечно так смущаются. Они же выбирают себе спутника раз и навсегда. Если, конечно, выбирают – а то ведь Христовых часто обручают в детстве без их согласия. Марк никогда ни с кем не гулял, не заигрывал и ни за кем не ухаживал. Опыта никакого – не то что у наших ребят, на Горе. Но зато он так мило краснеет. Сразу видно, парень втюрился по самые уши.

– Спасибо, что сказал про письма! – Я двумя пальцами отсалютовала Марку и двинулась по коридору.

– Спасибо за пищу! – сказал он мне в спину.

В коридорах, обычно безлюдных, сейчас время от времени кто-нибудь да попадался – по большей части персонал в униформе. Марк не ошибся: когда я открыла свою дверь, сразу же заметила на столике возле дивана целую коробку писем.

Я от души порадовалась, что теперь я Элита и на меня не таращатся изо всех углов вид-камеры. Все-таки письма из дома – это дело личное.

В коробке оказалась пачка писем от Учителей: на конвертах стояли лишь имена, а обратным адресом значился Анстонов Родник. Не Монастырь. Наверху лежала стопка писем от Учителя Кедо. Я плюхнулась на диван и вскрыла первое письмо.

Письма были зашифрованы. То есть Учитель Кедо писал так, будто они там мучаются с ружьями и силками, а не Охотятся с Гончими и магией. Ведь в Пике считают, что у нас именно так все и происходит. Письма, которые доставляет мне Ча, обычно другие. А тут Учитель Кедо рассказывал про житье-бытье в Монастыре и как там другие Охотники – и опытные, и обучающиеся. Всякие пустяковые мелочи из монастырской жизни.

Зато такое приятно читать. А вот письма леди Рианнон и Ивара Торсона и еще парочки Учителей оказались не очень. Там говорилось, что деревенские из Анстонова Родника и окрестностей от меня не в восторге.

Ну ясно: поселения и деревни, где есть приемники, ежедневно получают по выделенке четырехчасовой эфир с моего канала. Судя по всему, так со всеми Охотниками, кто не из Пика: к ним в регионы отправляют эфиры по выделенной линии. Чтобы люди следили, как там поживает их местный герой. Так вот, дома некоторые решили, что я задираю нос, и без всякого стеснения это обсуждают.

Сами-то Ивар и Рианнон вроде бы не тыкали мне моим зазнайством. Они писали: замечательно, что ты в Элите, не так много будет эфиров, народ будет меньше языками чесать. А если что и покажут, так ты ведь не одна, ты в команде. Но Ивар с Рианнон предупреждали, что иные мои, так сказать, друзья... на деле не такие уж и друзья. Только и знают, что трепаться, какая я нынче стала важная.

Если честно, мне от этого чтения даже подурнело. В письме назывались люди, которым я привыкла доверять.

И как мне прикажете с этим жить? Я же не могу приехать домой и сказать: вот она я, прежняя, ничего не изменилось! Они-то верят видеэкрану. Будто бы я тут купаюсь в роскоши и славе и задрала нос выше некуда. У меня в глазах защипало, я даже ненадолго позабыла про бурю.

Но буря-то про меня не позабыла. Да и про всех нас в штабе. Она нам живо напомнила, что лихие деньки Дисерея еще совсем не позади.

Здание содрогнулось от фундамента до самой крыши; в моей комнате все забренчало и застучало. А посреди этого толчка погас свет.

Сердце у меня колотилось так, словно за мной гнался драккен. Но я усилием воли осталась стоять на месте. Потому что куда-то бежать в такой ситуации – это хуже не придумаешь. Особенно если со страху у тебя кишки сводит. Тряска прекратилась, но свет не включился. Я представила план комнаты и мысленно прикинула, сколько шагов мне до спальни и сколько до шкафа, где хранятся мои старые вещи, привезенные из дому. У меня там фонарик и несколько светодиодных палочек. И тут зажегся мой перском. Если что, и он сойдет за фонарик.

– Всем оставаться на своих местах и сохранять спокойствие. У нас серия прямых попаданий молнии в здание штаба и поблизости. Местная энергосеть выведена из строя. Вводим в действие резервную штабную энергосеть. Питание скоро возобновится.

И я сделала, что велели: осталась на месте, сохраняя спокойствие. В ушах у меня даже стало звенеть от тишины в комнате, хотя где-то вдалеке рокотал гром. Дома у нас, естественно, тихо: ведь у нас нет такого количества работающих приборов. А здесь все время что-то гудит – электроника, лампы. Это совсем тихий звук, но он неумолчный, и он повсюду. Со временем я перестала его замечать. И еще воздух шумит в вентиляции плюс охладитель, если его включить. В общем, вокруг меня много звуков, а сейчас все они разом смолкли. И воцарилась тишина. Но не полная – ее то и дело нарушали приглушенные раскаты грома, пробивающиеся через толстые стены, и далекое завывание ветра. Все здание ходило ходуном, сотрясаемое стихией, которую язык не поворачивался назвать простым словом «буря».

Я почувствовала движение в воздухе, потом послышался гул – мой охладитель вернулся к жизни. Загорелось несколько ламп – тусклее обычного. Перском опять зажегся, и безжизненный голос объявил:

– Ограниченная подача электричества. Показ роликов не разрешен. Почитайте традиционные книги. – Я удивленно фыркнула. Надо же. Ладно, этим добром я упакована. – Разрешено также пользоваться персками. Беспроводные устройства работают.

В моей голове скребся Ча. Он не то чтобы беспокоился, а как бы спрашивал: «Хочешь, я приду?» Я хотела. А то ведь того и гляди снова окажусь в темноте. Да и письма эти – одно расстройство. Я начертила Письмена, открыла Путь, и ко мне явился Ча в облике грейхаунда.

Выключив весь ненужный свет, я прихватила письма, и мы с Ча отправились в спальню. Я принялась за чтение, а Ча пристроился рядышком. Когда он рядом – это очень поддерживает. А если этот чокнутый торнадо вдруг обрушится на штаб, мы оба создадим Щиты и выгадаем секунду-другую. И за это время бацнем куда-нибудь далеко-далеко.

Последняя пачка писем была от Кей, моей закадычной подружки. Кей так и сыпала всякими бодрыми новостями и подробностями из жизни Горы и долины. Такими, о чем Охотники не напишут. Скажем, кто с кем нынче встречается, кто разошелся, кто что нового подельвает.

Она сама сошлась с Датчем из Сребручья – прочитав об этом, я рассмеялась и на радостях даже обняла Ча. Ну наконец-то заметила, что парень по ней весь исстрадался! Кей сшила себе три новых наряда – такой, сякой и этакий. Она крутит мои ролики. Мои Охотничьи костюмы – отпад. А платья, которые я надеваю на свидания с Джошем, – просто умереть и не встать. По ее мнению, Джош сущий лапочка. Кей и еще несколько человек ходили встречать земляков Марка Паладина, когда те прибыли воссоединиться с «паствой» брата Винсента. «Упертые, – писала Кей. – Но думаю, они ничего. Они вроде бы благодарны, что их здесь приняли, а благодарность и горы свернет. Они пока ни о чем не знают, – это она про Монастырь, – но мы пойдем, насколько им можно верить, и тогда, наверное, все им расскажем». Учителя уже говорят, что вот-вот настанет пора посвятить новопривывших в тайну, – это я и так знала. У Кей такие душевные письма... Читаешь – и будто с ней разговариваешь. Она надавала мне миллион советов, как вести себя с Джошем. И это очень-очень кстати. Сказать по правде, я эти отрывки даже дважды перечитала, чтобы хорошенько запомнить.

Электричество не подавало признаков жизни. Поэтому я прошла по апартаментам, выключая все, что можно, потом вернулась в кровать и крепко обняла Ча. Я привезла из дома читалку с целой закачанной библиотекой. Выбрав книгу наобум, я погрузилась в чтение. У меня в читалке в основном фэнтези, из которого мы много чего почерпнули про магию и ее использование. Выбранная мною книжка оказалась написана таким вычурным языком, что вскоре я стала клевать носом.

Меня разбудил будильник на видеэкране. Ча все еще лежал рядом, а здание по-прежнему потряхивало. Зато электричество вроде бы работало на полную мощность. Ну, судя по гудению и по тому, как ярко горела лампа рядом с кроватью.

– Расписание, – громко потребовала я.

Видэкрэн осветился, и на нем появилось пустое расписание – возле каждого пункта стояло слово «отмена». И я сделала новый запрос:

– Погода.

Я внимательно изучила экран. Свирепая буря никуда не делась, и она была гигантская. Она, кажется, вихрилась вокруг центра, как ураган, но без глаза бури. Это нормально или как? У нас в горах буран мог не стихать по нескольку дней. Я видела, когда бури вот так вихряются, и, возможно, тут нет ничего сверхъестественного.

Но это не повод валяться в постели. На Охоту я не иду – какое счастье, что у нас был драккен прямо перед бурей и Гончие вдоволь напились манной. Тогда надо заняться чем-то полезным: может, поупражняться в меткости. Я приняла душ, оделась, отпустила Ча и зашагала в столовую.

В столовой было негде ступить. Оно и понятно: вчера все рано легли, и к тому же тут сейчас три смены. Я набрала еды и, отыскав свободное местечко, уселась рядом с Искрой, Молотом и еще двумя ребятами, которых я не знала. И стала слушать.

Из разговора я поняла: над нами угнездилась не самая заурядная буря, но в то же время о таких тут слышали. Молот и двое других Охотников за соседними столами рассказывали о чудовищных грозах, которые длились два дня, а то и больше.

– Хорошо то, что в такую бурю ни один пришлец носа не высунет, даже гром-птицы. Это и для них перебор. Но к ночи-то наверняка развиднеется, – заключил Молот. – А пока знайте себе отдыхайте, пока дают.

И народ стал обсуждать планы на непредвиденный выходной. Я выключилась из разговора. Чем заняться, я не придумала, но точно не собираюсь валяться весь день и крутить ролики. Ребята затевают пройти несколько раз подряд их любимую игру: в наш мир вторгаются разумные роботы, а аватары в экзоскелетах их отстреливают. Мне такое неинтересно. Я вообще не вижу в видиграх большого смысла. Но это, вероятно, потому, что я с детства отстреливала настоящих чудовищ. А у тех, кто рос в Пик-Цивитасе, все по-другому: их от чудовищ берегли.

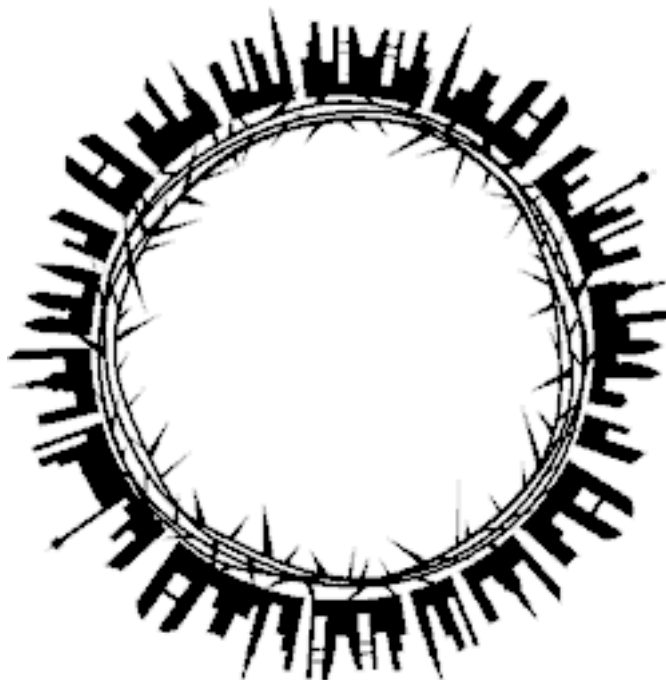
Пойду-ка, пожалуй, позвоню Джошу, подумала я. Встретиться, конечно, не получится, зато поболтаем от души без всяких камер – тоже неплохо. Я шла по коридорам, которые в кои-то веки не были безлюдны, и раздумывала о разговоре с Джошем.

Но как всегда, всё решили за меня. Видэкрэн у меня в комнате полыхал приказом «Явиться в оружейню».

– Вас поняла, – сказала я.

Экран погас. Я развернулась, чтобы идти в оружейню. Интересно, зачем я понадобилась Кенту посреди бури?

4

Я уже успела понять, что в Элите оружейник Кент вроде как за главного. Его никто не назначал, но все с ним считались. И Охотники помоложе, как я, почтительно звали его на «вы». Элиту на задания направляли дежурные, но рядовым Охотникам определенно раздавал задания оружейник. И он всегда решал, кто и кого будет учить и с каким оружием. И если мы косячили, он устраивал нам взбучку. Вчера как будто все прошло неплохо, и ругать меня не за что. Скорее всего, Кент заставит делать какие-нибудь упражнения на износ или сам меня потренирует.

Кент меня уже дожидался. Его асимметричный красно-желтый наряд буквально пламенел на фоне всех мыслимых и немыслимых орудий убийства, которыми была нашпигована оружейня. И кстати, про половину этих орудий я даже не понимала, с какого боку к ним подступиться. Оружейник поманил меня пальцем, безмолвно приказывая следовать за ним. Совсем сбита с толку, я подчинилась. Кент привел меня в свой маленький кабинет, открыл дверь и махнул мне рукой, приглашая войти. Я вошла, а он остался снаружи и закрыл за мной дверь.

Наряд у Кента вычурный, а вот кабинет совсем спартанский: коричневый ковер, коричневато-серые стены с парой симпатичных пейзажей – эти снимки наверняка сделали до Дисерея, – кожаное кресло с высокой спинкой и практичный стол из серого металла. А в кресле спиной ко мне кто-то сидел. Но вот я вошла, человек в кресле развернулся – и передо мной предстал...

...мой дядя! Он был в форме префекта – то есть как бы при исполнении, несмотря на бурю. В гражданской одежде мне его тоже приходилось видеть, хоть и нечасто. Как всегда, я ему обрадовалась. И обрадовалась, что по нему не заметно, как ему трудно. Теперь-то я знала про угрозу, которая все время висит над его головой. А он все такой же – осанистый, подтянутый и спокойный. Разве что лысеет и седеет потихоньку, но больше никаких признаков возраста.

При виде моей ошарашенной физиономии дядя фыркнул.

– А как ты сюда попал? – растерявшись, брякнула я.

– Бронированный транспод, – пояснил он и жестом предложил мне присесть. Я плюхнулась в кресло. – Я, так или иначе, собирался с тобой побеседовать, а тут как раз буря... – Дядя махнул рукой куда-то в потолок. – Никаких происшествий. Во всяком случае, ничего такого, с чем полиция и спасатели не справятся без меня. А офис Кента безопаснее моего.

Я сразу сообразила, о чем он. Да, конечно, мой дядя префект полиции, и к тому же у него под началом все Охотники, не приписанные к армии, – и тем не менее у него имеются политические враги. Возможно, кто-то из них и стоит за покушением на мою жизнь.

– Я тебя слушаю, дядя! – выпалила я.

– Мы уже поговорили с Кентом. – Дядя наклонился ко мне, и я тоже подалась к нему. – Мне нужен кто-нибудь абсолютно надежный, чтобы нести дозор в ливневых водостоках под Узлом... под центром города. Для моих полицейских там становится слишком опасно.

Я кивнула. Цивам про такое знать не положено, иначе они насмерть перепугаются. Злобные опасные пришлецы на самом деле проникают через Барьеры. И чем дальше, тем чаще. А цивы тем временем крутят ролики и думают, что им показывают приукрашенную Охоту. Они понятия не имеют, что в роликах все настоящее. И если до цивов это дойдет, город встанет на уши. Начнется паника. Люди от страха перестанут ходить на работу и вообще появляться на улицах. Цивы живут перед лицом постоянной угрозы, не ведая об этом. И только неусыпная бдительность Охотников спасает их от нечисти, готовой вцепиться им в глотку. Но пока об этом знают только сами Охотники, кое-кто из полиции и Псаймоны. И всё.

То, что сказал дядя, подтвердило мои опасения. Пришлецы уже просачиваются в самый центр города, и полиция не справляется. Видимо, поэтому он и решил встретиться со мной здесь – без риска, что нас подслушают его враги и обернут наш разговор против него.

– Кент считает, ты сможешь нести дозор соло, у тебя ведь большая стая, – продолжал дядя. – Водосток не особенно просторный, туда больше двух Охотников разом не отправишь.

Я задумалась.

– У меня стая как у троих Охотников, вместе взятых, – признала я. – Если оружейник Кент полагает, что мне такая работа по плечу, значит, я готова.

На лице дяди мелькнуло облегчение. Он придвинулся еще ближе и заговорил совсем тихо:

– Я не могу тебе всего рассказать, Радка, но творится что-то очень нехорошее. Кое-что похуже пришлецов в водостоках. И я не хочу взваливать это на тебя. Я лишь хочу предупредить: будь предельно осторожна и в то же время держи нос по ветру. Примечай все, что кажется тебе неправильным. Я скажу Кенту, пусть отправит тебя в водосток при первой возможности. А если столкнешься с чем-то таким, о чем нельзя докладывать официально, воспользуйся нашими родственными связями. Скажи, что соскучилась по старому дядюшке и тебе не терпится с ним посудачить.

Я опять кивнула, и дядя как ни в чем не бывало откинулся на спинку кресла. Будто мы и не обсуждали никаких секретов.

Мы еще немного поболтали о том о сем. Дядя уже не напрягался, и я тоже. Я порасспрашивала его о маме и папе. И спросила, знал ли он лично кого-то из Учителей. Так здорово: разговаривать о Монастыре – и не фильтровать каждое слово!

Как выяснилось, до переезда в Пик дядя кое с кем успел познакомиться. Например, с леди Рианнон – они оба тогда были детьми. Бегая и Джефффриза он помнил еще Охотниками – а сейчас они уже самые-самые старшие Учителя.

Мы как раз беседовали об Учителе Джефффризе, и тут на штаб обрушился залп громовых раскатов. Здание опять трянуло, и на мгновение погас свет. Я было испугалась, что сидеть нам в темноте, – но нет, лампы снова зажглись.

– Бури вроде этой напоминают мне, как на Анстонов Родник напали гром-птицы. Охотники вместе создали Щит и закрыли им всю деревню, – улыбнулся дядя. – Я был тогда мальчишкой десяти лет от роду.

Учитель Бегай рассказывал нам об этом – он в те времена сам был Охотником. Но услышать дядину версию – это было бы супер.

– И как это было? – прошептала я, затаив дыхание.

– Я и сам не так давно вспоминал ту историю, – ответил дядя. Я придвинулась поближе, чтобы лучше слышать. – Мы знали, что надвигается буря. Нам позарез были нужны дрова – много-много дров, чтобы продержаться: а то ведь из дому долго будет не выйти. Поэтому все, кто мог утащить хоть малую деревяшку, отправились за растопкой. Каждый уносил в деревню сколько мог поднять. Я уж не помню, сколько перетаскал охапок – двадцать, сорок, а может, и больше. И вдруг Шейла Ядзи как завопит! Дрова выронила, а сама тычет пальцем вверх. Мы все задрали головы и увидели гром-птиц – они летели впереди грозового фронта, такие черные на фоне неба. С первого взгляда было ясно, что это не орлы. Длинные шеи, длинные раздвоенные хвосты, хищные клювы, а глаза сверкают алым огнем. Так ярко сверкают, что даже снизу хорошо видно – а ведь гром-птицы летели высоко.

Гром-птиц я видела только издали. И то по одной, по две – не целую стаю. Но я хорошо представила, что тогда наблюдал дядя: свинцовые грозовые тучи заволакивают голубое небо, а под тучами – гром-птицы: черные, словно вырезанные из бумаги, они даже не летят, а парят. Их держит в воздухе могучий ветер, и им незачем махать крыльями. По ним даже не сразу скажешь, что они живые – лишь кончики крыльев чуть подрагивают, да головы поворачиваются, когда птицы выискивают добычу, да еще алым огнем горят глаза.

– Мы все оторопели. У кого-то – не знаю у кого – хватило смекалки протрубить тревогу. Звук рога вывел нас из ступора, и мы помчались в укрытие. Двое Охотников из Анстонова Родника – Шади Ньюсом и Янаба Йеллоухорс – выставили Щиты, прикрывая всю деревню. Хорошо, что успели: гром-птицы накренились в полете и ринулись вниз. Ты видела когда-нибудь их атаку?

Я покачала головой. Пока я жила на Горе, гром-птицы ни разу к нам не залетали. Они появлялись иногда, но далеко-далеко и нам не угрожали. И я знала, почему так. Все из-за той истории, которую рассказывал дядя.

– Сокол или орел падают вниз камнем, то есть со сложенными крыльями. А гром-птицы снижаются неторопливо, по спирали, расправив крылья. И при этом из их глаз и клювов бьют молнии.

Очень легко себе такое вообразить: тварь размером с драккена лениво нарезает круги все ближе и ближе к земле. Это на самом деле очень страшно. Если пришлец не спешит – значит он твердо уверен: никуда вы от него не денетесь. А вы просто крошечный мышонок, который тарашит глазенки на совиные когти.

– Шади и Янаба вовремя успели со своими Щитами. Ударь молния в деревянный дом или в частокол вокруг деревни – все бы занялось в считанные минуты. Я побежал на крыльцо общинного дома и остался стоять там. – Дядя пожал плечами. – Даже не знаю, зачем я туда побежал. Почувствовал, видно, что так надо. Наверное, по этой же самой причине тот, кто поднял тревогу, тоже не покинул свой пост.

– А сколько там было гром-птиц? – поинтересовалась я.

Мне всегда казалось, что десяток или около того. Я так и видела первую гром-птицу: вот она неспешно снижается, осыпая Щит ослепительными молниями, и Щит еле-еле сдерживает натиск. А в вышине парят остальные и тоже мечут молнии, и оглушительный гром сотрясает все вокруг, совсем как сейчас.

– Шесть или восемь, точно не скажу. Но шесть минимум. И не больше дюжины. И вот началась буря, из туч повалил снег пополам с дождем, повсюду засверкали молнии – уже обыч-

ные, не те, что изрыгали гром-птицы. И гром грохотал как из пушки – я потом такой слышал только тут, в Пике. Мы недавно переехали и жили всей семьей на нашей первой квартире, и случилась буря вроде сегодняшней. – Дядя дотянулся до охладителя, достал пару бутылок воды и одну вручил мне. Я молча взяла ее.

Такие бури, как описывал дядя, мне знакомы не понаслышке. Они приходят ранней зимой, когда холода еще толком не установились. Но эти снежные грозы ничем не лучше бурянов, а может, даже и хуже. И ладно бы гроза со снегопадом, так тут еще и гром-птицы. У деревенских в этом случае одна надежда: гром-птицы, как и все прочие пришлецы, не большие любители холода. Поэтому гром-птицы постараются, чтобы рядом с ними снега не было, а был дождь.

Но дождь дождю рознь... Сегодня, например, льет как из ведра – возможно, и тогда было так же. Ну значит, с крыльца деревенского клуба дядя даже частокола из-за дождя не видел.

– Шади и Янаба вдвоем долго бы не продержались, но уже минут через пятнадцать-двадцать со стороны Монастыря стали подбегать тамошние Охотники. Первым примчался Охотник Бегай, но и другие отстали не намного. Я даже не сразу сообразил, что подоспела помощь. Но вдруг вижу: там, где стояли двое Охотников, уже стоят четверо. Потом шестеро. Потом восемь.

У меня засела в памяти та картинка: они сомкнули круг, стоят плотно, плечом к плечу, лицом к нам, а руки простерты ввысь – они как бы подпирают Щит. Учитель Джеффриз и Учитель Бегай были как каменные столпы, и на них опирались все остальные.

Щиты лежали в несколько слоев, да еще их озаряли молнии – из-за этого их могли видеть даже не наделенные магией. Над Анстоновым Родником раскинулся прозрачный купол, и он весь переливался – знаешь, как мыльный пузырь. Меня словно к месту пригвоздило. Я ни рукой ни ногой двинуть не мог.

Многослойный Щит я видела – Элит-Охотники поднимали такой во время моих испытаний. Но в дядиной-то истории в Щит били молнии и он искрился и переливался всеми цветами радуги – вот, верно, было зрелище! Великолепное – и в то же время пугающее.

– А потом что было? – спросила я, когда дядя сделал паузу, чтобы глотнуть воды.

– А потом... – Он улыбнулся. – Потом явились Учителя. К тому времени Охотники изошли манной, двое из них были уже на пределе и едва держались на ногах. Первой не выдержала Шади: у нее подкосились ноги, и она рухнула прямо в лужу, которая была ей уже по щиколотку. И Охотники начали падать один за другим. Тут я очнулся и кинулся на выручку упавшим – ведь они лежали и мокли под проливным дождем. Я кое-как поднимал их и помогал дотащиться до крыльца, до укрытия, где тепло и сухо. Я закричал, и на мой крик из клуба повыскакивал народ, и все принялись помогать.

Я слушала и испытывала гордость за маленького мальчика, который спустя годы стал моим дядей. Щит в любой момент мог треснуть, и юный герой пошел бы на закуску гром-птицам. Но он все равно поспешил на помощь Охотникам. Неудивительно, что мой дядя вырос таким, какой он есть.

– Хон Ли был тогда старейшим из Учителей. И у него были четыре громадные Гончие. Тибетские мастифы, говорил он, священные храмовые псы. Каждый размером с твоего Душану. Он призвал их, открыл им Портал, а остальные Учителя тем временем подхватили Щит. По команде Хон Ли Учителя бросили Щит, а сам он метнул молнию, такую слепящую, что глазам было больно. Молния ударила гром-птицу прямо в верхнюю часть груди, и птица камнем ухнула вниз.

Ого, вот небось вышел шмяк от такой-то туши! Не слабее, чем от драккена!

– Она упала бесшумно. Не успела она коснуться земли – четыре Гончие были уже тут как тут. Одна схватила гром-птицу за шею, вторая и третья – за крылья, а четвертая перекусила ей хребет. А Учителя опять вскинули Щит – пока остальные гром-птицы не опомнились и не

ринулись в атаку. Гончие в мгновение ока прикончили добычу и разорвали ее на куски. И тогда молнии прекратились. – Дядя сделал театральную паузу. Я стискивала бутылку в ладонях. – Хон Ли подал знак, и Учителя опять опустили Щит. Мы все, задрав головы, смотрели вверх. Гром-птицы... они просто парили у нас над головой. Они словно растерялись – их, похоже, ошеломила гибель сородича. И даже буря стихла, будто бы тоже ошеломленная. Стало так тихо... совсем тихо. И тогда Хон Ли поклонился гром-птицам.

– Он... что сделал?

– Может, я ослышалась? Учитель Бегай нам про это не рассказывал. Правда, к тому времени он ведь потерял сознание и видел не всё.

– Хон Ли поклонился гром-птицам, – повторил дядя. – А потом заговорил с ними. Он говорил негромко, но казалось, его слова разносятся на многие мили. Что-то такое было в его голосе. «Вы потеряли одного из своих, и теперь вам известно, на что мы способны. Сделайте милость, оставьте нас и позвольте жить в мире», – вот что он сказал. Больше ничего. И только он это произнес, как гром-птицы взмыли в небо и исчезли.

В исполнении Учителя Бегай это звучало так: «Мы убили одну гром-птицу, остальные улетели». Но его версия в сравнении с дядиной никак не тянет на полную. Учитель Бегай даже не заикнулся, что Учитель Хон Ли разговаривал с гром-птицами. Да и вообще: расскажи мне все это кто другой, не дядя, я бы не поверила ни единому слову.

– Хон Ли был великий человек, – задумчиво произнес дядя. – Жаль, таких нынче немного.

– Ну ладно, – помолчав, сказала я. – Я знаю, что с тех самых пор гром-птицы нас не трогали. Я их видела вдалеке, обычно перед грозовым фронтом, но они летали сами по себе и к нам не лезли.

– Не исключено, что гром-птицы – из той породы пришлецов, с которыми можно договориться, – предположил дядя. – Или же их настолько испугала гибель сородича, что они предпочли оставить Гору в покое.

– Или и то и другое, – хмыкнула я. – Хотя, может, есть еще какая-то причина, о которой мы даже не догадываемся. Что-то нам непонятное. А вдруг они выжидают, когда со дня смерти Учителя Хон Ли пройдет побольше времени?

Дядя рассмеялся:

– А что, это было бы резонно. – Он встал. – Я скажу Кенту, в чем состоит твое задание, все остальное он устроит сам. Хороших грозовых дней, Радка. – И дядя поманил меня, чтобы обнять.

Мы обнялись на прощание и вышли из кабинета вместе. Дядю куда-то увел Кент, а я зашагала к себе.

Судя по всему, гроза и не думала утихать. В коридорах включили музыку – видимо, чтобы немного приглушить раскаты грома. Но пол у меня под ногами по-прежнему трясся, и это не поправишь никакой музыкой.

Я по привычке проверила, нет ли каких заданий, но их, естественно, не было. Ну что ж. Зато дядя поручил мне секретную миссию. Или что-то вроде того. Да нет, никакая она, конечно, не секретная, но ведь только дяде ведомо, что за нечисть я буду выслеживать в водосточке.

Стены ходили ходуном, и буря рычала утробным звериным рыком. Не как загнанный зверь, а как хищник, приметивший добычу. А говорили, что сильной бури не ожидается... С чего бы ей вздумалось так беситься?

Я многого не знаю – и в то же время знаю слишком много. Сейчас сяду на диван и посмотрю, можно ли связаться с Джошем. Уже до смерти хочется с кем-то поговорить. Может, Джош в курсе моего нового задания.

Джош ответил сразу. Он был в каком-то незнакомом месте – не в дядином офисе и не в своей квартире. Лампы светили тускло, Джош сидел в углу, и казалось, что эфир шел с его перскома. Джош был не в черно-серебристой форме Псаймона, а в чем-то удобном и повседневном. И волосы он не расчесал.

Как ни странно, при виде Джоша, такого спокойного и расслабленного, меня отпустило. Наверное, в глубине души я думала, что если бы он был весь как на иголках, то и мне пора начинать дергаться.

– Привет! – Джош явно мне обрадовался. Как и я ему. – Ну как твой грозовой день?

– Да пока не знаю. Вот только позавтракала, – ответила я. Если Джош знает, что мой дядя был в штабе, то знает и про задание. А если не знает – надо держать язык за зубами. Хорошо бы он знал! Потому что страшно хочется с ним все обсудить. Но я же не могу прямо в лоб его спросить: разговоры прослушивают и записывают. Поэтому надо начать с чего-то безобидного. – Ты представь, нам вчера пиццу давали!

– Тогда тебе с едой повезло больше, – рассмеялся он. – А у меня тут военный паек. – Джош скривился.

Я бы тоже кривилась: пару раз пробовала военный паек. Еда в пакетиках, которой не страшны вселенские катастрофы. Очень питательная. Очень... практичная. И совершенно безвкусная. В паек даже пакетик перца кладут, чтобы какой-то вкус был.

– А «тут» – это где? – любопытствовала я.

– Да в офисе. Те из нас, кто не успел домой до грозы – ну и кто в бронированных трансподах не ездит, – торчат тут до окончания бури. Койки, паек, куча роликов и игр. Нам даже на бурю не поглазеть: на окнах металлические противогрозные ставни. – Джош показал на комнату, где сидел. – Мне-то повезло. У меня отдельная спальня – кладовка у префекта. И можно пользоваться его ванной. Префект разрешает мне держать тут кое-какую одежду – хоть не парюсь в форме круглые сутки. Ну вот как-то так.

– А как дядя? – спросила я. – Ты знаешь, где он?

– Укатил на встречу в бронированном трансподе. Скоро вернется. Надеюсь, привезет с собой какой-нибудь еды. – Джош поднял бровь. – Твой дядя самый преданный делу человек на свете. И если он поехал туда, где имеется кухня, зуб даю – он своего не упустит. Прихватит чего-нибудь съедобного. Потому что «преданный делу» не значит «дурак».

Я прыснула в ответ на шутку, как и полагалось. Но выходит, дядя не сообщил Джошу, куда направляется и зачем. Тьфу ты. Ну почему? Или он скажет ему потом? Вот же засада! Аж зло берет. Но нет, это неправильно. Джош-то тут при чем? Он же не виноват, что дядя ему ничего не сказал. Короче, помалкивай, Рада. Пока Джош сам не проговорится, что знает о моих будущих похождениях по канализации.

– Слушай, а раз мы оба тут застряли, может, сыграем в видигру?

Я вспыхнула.

– Знаю, я полная деревня, но если честно – я не умею, – неловко призналась я. – Мы дома в них не играли.

Потому что у нас и так был забот полон рот. Мы пахали, сеяли, сажали, пряли, ткали, охотились и Охотились. Это городские все изнеженные и времени на игры у них выше крыши.

– Так я тебя научу! – предложил Джош. – Хочешь? Ты быстро разберешься. У меня есть одна игра-головоломка, она на нескольких игроков. Сейчас я тебе пришлю ссылку, и начнем.

Вот так мы и провели все утро. Джош перешел за рабочий стол секретарши, чтобы пользоваться ее видеэкраном вместо перскома. И надо признать, вышло очень даже ничего. Было прикольно! Гораздо прикольнее, чем я ожидала.

Игра оказалась про викторианский Лондон. Там было загадочное убийство с элементами хоррора и магии. Разработчики молодцы, получилось по-настоящему захватывающе. Все равно что участвовать в фильме или в книге с эффектом полного погружения. Словно превраща-

ешься в одного из персонажей. Мы бы безотрывно сидели перед видеэкранами еще сто лет, но мне захотелось есть. Не успела я даже рта раскрыть, а Джош уже поставил игру на паузу.

– Сейчас сохраним, а потом продолжим, – сказал он. – Я слышу, что префект вернулся, надо узнать, не нужно ли ему чего-нибудь.

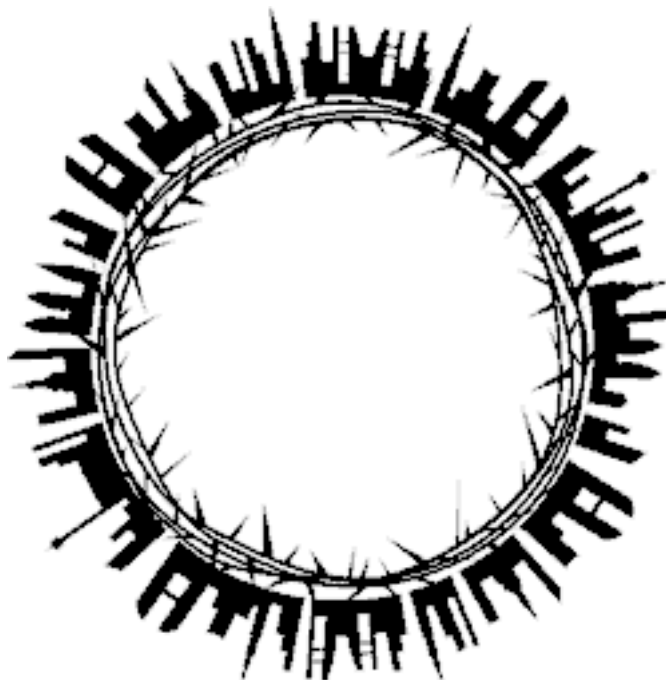
– Или не принес ли он еды, – поддразнила я. На видеэкране угасали наши застывшие аватары. Их перекрыли слова «Сохранить и выйти». Джош снова обернулся к экрану и ухмыльнулся.

– А ты сама-то, часом, не Псаймон? – фыркнул он. – Ладно, Радка, ты наверняка уже с голоду умираешь, как и я. И тебе надо по мишеням пострелять, раз чудищ тебе нынче не выдали. Я тебя вечером наберу.

– Не забудь! – ответила я и прервала вызов, чтобы не разводить долгие прощания.

Обед, стрельба и всякие упражнения в спортзале заняли весь остаток дня, до самого вечера. Я попробовала направлять пули с помощью магии, как Марк, но у меня в итоге ничего не вышло. Как-то оно с самого начала не заладилось. Я даже немного рассердилась. Умом-то я понимаю, что могу! А чутье мне талдычит: брось, не получится. Да ну его, это чутье.

5

К ужину напряжение из-за бури спало, и все более или менее вернулось в привычное русло. Народ расслабился. То есть соваться наружу, естественно, дураков не находилось; перемещаться можно было только на бронированном транспорте от гаража до гаража. Но зато ребята перестали толпиться в гостиной. Все занимались примерно тем же, чем и я: стрельба, упражнения, плавание, игры.

Я пришла в столовую в обычное время ужина. Там опять было битком народу. Я взяла поднос и заозиралась в поисках свободного места. Мне повезло: меня заметили Гвоздь с Молотом и замахали мне, приглашая присоединиться. Они заняли столик на троих. Я втиснулась между братьями, кивком поблагодарив их.

И в этот самый миг – надо сказать, вполне закономерно – меня осенило. Подсознание выдало мне искомый ответ насчет их позывных. Я поняла, с чем у меня ассоциируются Гвоздь и Молот. «Он тяжкий молот в руки брал, он гвоздь и молот брал».

– Ну все, я догадалась, – с невозмутимым видом объявила я, прожевав несколько кусков. – Ваши настоящие имена Джон и Генри, да? – Можно было бы навести справки, но это скучно.

Братья переглянулись – наполовину озадаченно, наполовину восхищенно.

– Наши поздравления, мисс Шерлок, – улыбнулся Молот. – Так ты знаешь ту песню?

– Я долго не могла догадаться, – призналась я. – Но потом мне вспомнилась песня «Джон Генри». – И я напела первый куплет – совсем тихонько, потому что голос у меня, прямо скажем, не ангельский:

Джон Генри мал был, да удал, ох до чего удал:
Он тяжкий молот в руки брал, он гвоздь и молот брал.
Ох, на беду я в руки взял проклятый молот тот:

Тот молот горе принесет, погибель принесет².

– У нас доморощенных музыкантов много, – прибавила я.

И тут я не соврала. На гитарах и прочих инструментах играют без электричества. А зимние вечера у нас на Горе долгие.

– Наша мать по профессии фольклорист, – пояснил Гвоздь. Я понимающе кивнула. Кстати, имейте в виду: нынешний фольклорист – это совсем не то, что фольклорист до Дисерея. Сейчас это человек, который копается в народных сказках и мифах с практической целью: описать всех чудищ и случаи использования магии. Даже старые книги в жанре фэнтези годятся, потому что они часто основаны на малоизвестных мифах, следов которых уже днем с огнем не найти. – А наш отец – музыкант. Он собирает фольклор для мамы, ездит по всяким местам вроде твоего Анстонова Родника. Или выступает. Недавно привез одну прикольную вещицу... – Гвоздь весь содрогнулся. – Надеюсь, в той песне про скрытня³ все выдумки. Хорошо, у нас смена не ночная. – Я кивнула. Эту песню я слышала. Там об одном лесорубе, который возвращался со свидания с девушкой к себе домой, в дальние холмы. И вдруг он слышит какой-то шорох у себя за спиной... Короче, старая версия современной сказки про пришлеца. Ну и конец там не очень.

– А кое-кому не вредно было бы повстречать скрытня. Вот Асу, например, – прорычал Молот и гневно свел брови. – И чем раньше, тем лучше.

Странно, что он об этом заговорил.

– Ты, пожалуй, прав, но ты это к чему? – спросила я.

Гвоздь сделал знак брату: уймись, мол, хватит. Но тот не послушался:

– А к тому, что много он на воле гуляет. По мне, так чересчур много.

У меня от этой новости по спине побежали мурашки. Я-то ни на миг не забывала про Аса. И похоже, братья знают то, чего не знаю я. М-да... Из-за грозы мы все торчим в штабе, и многие болтают с друзьями, которые не Охотники, как я с Джошем. И слухами земля полнится...

– Он опасен, – бесцветным голосом произнесла я. – Даже теперь. И не только для меня. Вероятно, он решил, что все Охотники против него. Вряд ли он внезапно раскаялся и решил встать на путь истинный.

– Если он считает, что все Охотники против него – тут он прав, – согласился Гвоздь. – Но он успешно изображает раскаяние и готовность искупить вину. Видно, рассчитывает, что ему скоро ослабят вожжи.

Вот тут я уже встревожилась не на шутку:

– Вы знаете, чего я не знаю. Давайте-ка выкладывайте.

И Молот все выложил без обиняков:

– У меня есть друзья в армии. И мне сказали, что Ас уже всюю крутится среди армейских Магов. Ас не тупой. Ему надо показать, что он дико полезный для армии. И новые фокусы он схватывает на лету – сколько лезет в его черепушку.

² Джон Генри – герой американского фольклора, чернокожий силач-молотобоец, который с раннего детства привык держать в руках молоток. Стоило ему найти гвоздь – он тут же его куда-нибудь вколачивал. Когда Джон Генри подрос, он пошел работать на строительство железных дорог – сначала укладывал рельсы, а потом с помощью молота и стального бура стал бурить туннели. И не было никого, кто мог бы сравниться с Джоном Генри в силе. Но однажды ему сказали, что есть такая машина – паровой бур – и она может заменить троих молотобойцев и троих бурильщиков сразу. Джон Генри не поверил и вступил в состязание с паровым буром. Он победил, однако во время работы надорвался и умер. О Джоне Генри есть народная сказка и книга, о нем написана знаменитая песня – та самая, которую напевает Рада. И ему даже стоит памятник в штате Западная Вирджиния!

³ Скрытень, или хайдбихайнд (буквально «прячется за») – ночное лесное существо из американского фольклора. Скрытня нельзя увидеть: стоит посмотреть в его сторону – и он тут же прячется за каким-нибудь предметом. Это создание может сделаться совсем тонким и укрыться даже за молоденьким деревцем, и подкрадываются они незаметно. Скрытня нападают на людей, которые ходят по лесам, особенно на лесорубов.

Взгляд Молота очень красноречиво говорил, что попадись ему Ас... тому пришлось бы пенять на себя. И было в этом что-то глубоко личное. Интересно, чем Ас напакостил Молоту? Я покосилась на его брата; Гвоздь все еще неодобрительно покачивал головой. Он посмотрел на меня долгим выразительным взглядом, как бы говоря: «Когда его вот так несет, все бесполезно».

Наконец Молот сердито фыркнул. Кажется, он немного остыл.

Гвоздь задумчиво постучал пальцем по стакану:

– Тут понимаешь, какая штука, Радка... Мы ведь работали с этими армейскими Магами. И они совсем не то что полицейские Маги, которые под началом у твоего дяди. В компании армейских Магов Аса на почве мании величия совсем переclinит. Армейские считают, что Охотники в смысле магии – вроде как второй сорт, черная кость. И они наверняка внушили Асу, что раз Гончие его бросили – это знак судьбы. Он типа рожден для более высоких свершений.

– Стоп-стоп, как ты сказал? – переспросила я.

Что за чушь?! Я же знаю, какие бывают Маги! У нас в Монастыре они тоже живут – то есть они называются Чародеи, но это одно и то же. Среди Учителей совсем немного таких, которые не Охотники, а именно Маги, и у каждого из них есть ученик. А в армии что, Маги совсем другие?

– У армейских Магов, которые мне попадались, самомнение раздуто до небес, – уныло сообщил мне Молот. – У нас был когда-то друг. Ключевое слово – «был». В нем пробудился дар, и он ушел служить в армию. С точки зрения магии они действительно сильнее Охотников. И всю дорогу кичатся тем, что Охотнику-то Гончие нужны, а Маги, дескать, и так справятся. В общем, если запустить Аса в их компанию... Раньше он был просто проблемой, а теперь он трижды проблема. Армейские Маги – они чем-то похожи на Псаймонов.

– Псаймоны – ледышки бесчувственные, а армейские нет, – прибавил Гвоздь. – Но в этом и вся разница. И Псаймоны, и Маги считают, что Пик на нас зря бюджет переводит. Они будто бы и без нас со всем управятся и потратят при этом вдвое меньше времени и вчетверо меньше сил.

Ну да, звучит правдоподобно. Маги могут делать то, чего не могут Охотники. Но суть в том, что Маг – это один разум и один набор магических искусств. А Охотник – это несколько разумов и тел и несколько наборов магических искусств. Маг не может быть одновременно в нескольких местах. А Охотник подчас может – благодаря Гончим.

Поэтому, строго говоря, Маг в поединке с Охотником одержит верх. Но Маг – одиночка, а Охотник – это целая маленькая армия. Зависит, конечно, от того, насколько тесная связь между ним и Гончими, но тем не менее. В армии предпочитают Магов, а Охотников сторонятся – это потому, что военные не доверяют Гончим. Гончие ведь тоже пришлецы, а пришлецов в армии не жалуют. Никаких.

– Никогда не встречал армейского Мага, чтобы он не был самовлюбленным... – Гвоздь кашлянул, – придурком. – Гвоздь еле сдержался, чтобы не сказануть чего покрепче. Меня это не смутило: у нас дома народ сыпал солеными словечками только так. Хотя мы в Монастыре все-таки старались особо не выражаться. – Они до обычных-то вояк не снисходят, разве что до офицеров, да и то если те о чем-то спросят. Короче, Асу там самое место, – кисло заключил он.

– Ну, тогда одна надежда на моего дядю. Может, он вколотит в их тупые головы, что Асу доверять нельзя и что ему место не в армии, а в самой темной и глухой тюрьме. Там бы ему и сидеть, если бы дядю тогда послушали, – напомнила я. – Но вы правы. Если он объявится где-то поблизости, надо не спускать с него глаз. Или хотя бы пусть Гончие с него глаз не спускают.

– Слушай, а две Асовы Гончие не переметнутся к нему назад? – забеспокоился Молот.

Я помотала головой:

– Не переметнутся, ручаюсь. Их от Аса воротит. И воротит настолько, что, когда о нем заходит речь, я чувствую, как их чуть ли не тошнит. Ас для них... ну, знаете... вроде липучей дряни. В нее ступишь нечаянно, а отмыться быстро не получается.

Лицо Молота просветлело. У обоих братьев была очень тесная связь с Гончими, почти как у меня.

– Ребята, может, вы попросите своих друзей-военных приглядывать за Асом? Или, если они сами не могут, пусть тоже кого-то попросят. – Я старалась скрыть мольбу в голосе, но справилась, кажется, не очень.

Молот ободряюще хлопнул меня по плечу:

– Мы потолкуем с ребятами и все выясним. Узнаем, на какую цепь посадили Аса и есть ли у него надежда подольститься к кому надо и чуток эту цепь ослабить. И вообще, в каких условиях его там держат. Мы тебе все расскажем.

– А я поговорю с дядей, он тоже что-нибудь выяснит по своим каналам, – пообещала я, мысленно прибавив: «И с Джошем». Джош все-таки Псаймон, он знает особые ходы и выходы. Псаймоны много о чем шепчутся между собой, у них свои секреты.

На том мы и остановились. Молот заговорил о чем-то другом, и уже совсем скоро мы втроем захлеб хохотали над дурацкими шуточками. В гостиной опять было столпотворение, народ в основном танцевал. Под потолком вились камеры, нацеленные на рядовых Охотников. Пора и честь знать, решила я.

У себя я развалилась на диване и справилась насчет погоды. Количество осадков прямо-таки зашкаливало. Те самые водостоки, по которым я еще недавно разгуливала в дозоре, на девяносто процентов залило водой. И вода низвергалась туда бурным потоком со скоростью несущегося поезда. А ведь там околачиваются какие-то пришлецы.

Бедненькие. Не повезло им.

Но как будто завтра часам к девяти небо обещало расчиститься. Гроза уходила к морю. По морю ходят корабли, но их строили в расчете на такие вот удары стихии. И к тому же их совсем немного, этих кораблей, – не то что до Дисерея. Грузы доставлять морем безопаснее, чем по воздуху, – это да. Что там говорить, любой путь безопаснее воздушного. Даже суборбитальный. И это при том, что, если пришлецы нападают на наши суборбитальные транспорты, чаще всего полет заканчивается плачевно. Транспорты – это же беспилотники. Их так и прозвали: «мегадротики».

Значит, утром меня, по всей вероятности, вызовут. Но дядя хочет, чтобы я приступала к заданию как можно скорее, а приступить я смогу, только если...

Хмм.

– Вопрос. Кто отслеживает уровень воды в водостоках? – громко спросила я.

– Акваэнерго, отдел осушки, – откликнулся компьютер почему-то женским голосом. Не знаю почему.

– Вопрос. Имеется ли у меня доступ к данным Акваэнерго, отдела осушки, о поступлении и уровне воды в ливневых водостоках? – С компьютером приходится тщательно выбирать слова, чтобы у него мозги не расплавились.

– Доступ имеется.

– Указание. Известить меня, когда по данным Акваэнерго, отдела осушки, поступление воды в водосток под центром Пик-Цивитаса прекратится, а уровень воды снизится до одного процента и менее. Одноразовое оповещение.

– Указание принято. Ждите оповещения.

Вот и чудно. Теперь мне дадут знать, когда можно спускаться в водосток.

А что, если опять налетит гроза, пока я в водостоке? Это ведь не исключено. Да и в принципе неплохо бы принять меры с учетом того, что кто-то уже покушался на мою жизнь.

Пойду к Кенту и попрошу его сразу же извещать меня о приближении бури. Пусть делает что хочет, пусть хоть сам мне звонит.

Будильник поднял меня в обычное время, а на видеэкране всплыло распоряжение явиться в оружейню для инструктажа. Я приложила руку к стене: не дрожит. Здание не трясется. Буря то ли выдохлась, то ли убралась восвояси. А значит, пора приниматься за работу.

И как бы в подтверждение этой мысли пришла информация от Акваэнерго: поступление воды снизилось до трех процентов и продолжает падать.

Позавтракала я в компании Паладина. Очень забавно слушать его рассказы о моих земляках со слов его земляков. И ему самому не терпелось расспросить меня о новых соседях его родни. Я с радостью отвечала. Марк встал из-за стола как будто вполне довольный жизнью. А я зашагала в оружейню получать свои инструкции.

Видэкрэн уже был включен, и Кент указал мне на кресло:

– Я буду краток. Карта у тебя в перскоме. Сегодня ты сопровождаешь ремонтную бригаду. Они из тех немногих цивов, которые в курсе, что водостоки небезопасны. Их тщательно отбирали, и просто так их не запугаешь.

Очень даже неплохо.

– Они вооружены? – уточнила я.

– Некоторые да, – подтвердил оружейник. – У них лицензия на оружие, и они проходят регулярные тесты по стрельбе.

Совсем хорошо. Цивы, которые могут за себя постоять, – это ценные кадры.

– Бери амуницию и готовься к отправке. Пошлю транспод, он доставит тебя к южному входу.

Вскоре я уже бежала к ожидающему меня трансподу. Эх, жалко, не успела как следует надышаться послегрозовым воздухом. Но пара-тройка глотков свежести мне все-таки перепала – и на том спасибо. Солнце вовсю сверкало на безоблачном небе, все вокруг было еще влажное. Вот бы полюбоваться этой красотой! Дома я всегда любила тот час, когда гроза только-только миновала и мир сияет как новенький.

Транспод высадил меня у небольшого бетонного бункера с дверью и электронным считывателем. Меня ждали шестеро в желтых комбинезонах и защитных шлемах – та самая ремонтная бригада, о которой говорил Кент. Увидев меня, ремонтники облегченно выдохнули. И кажется, обрадовались.

Когда транспод умчался, мужчина в ярко-синем шлеме, видимо бригадир, выпалил:

– Я и не знал, что нам пришлют тебя, Охотница Рада!

Его лицо светилось от восторга. Крепкая девушка с коротко остриженными темными волосами пихнула его в бок.

– Сначала работа, Келли. Фанатеть будешь потом, – сказала она с еле заметной улыбкой.

– Тогда за работу, – предложила я, и бригадир поднес перском к считывателю.

Послышался щелчок открывающегося замка, но никто из моих спутников не сделал попытки открыть дверь. «Молодцы, соображают», – отметила я про себя. И, начертив Письмена, призвала Гончих.

Мы собирались спускаться в водосток, где развернуться особо негде – поэтому мои сапожки явились в облике грейхаундов. Я открыла дверь. Пять из одиннадцати Гончих втиснулись в дверь, изучили лестницу и бацнули.

«На лестнице чисто», – передал мне Ча. Я вошла в бункер и полезла вниз по ступеням. В самом низу я распростерла объятия: Кусач и Дергач прыгнули, и я их поймала. Мирддин и Гвалхмай бацнули вместе с Калачакрой и Шиндже.

– Все чисто! – крикнула я ремонтникам. Пока они спускались, мы с Гончими обследовали ближайшие участки водостока.

Везде горел свет, и это меня порадовало. Все-таки тут вода лилась как из ведра, и неизвестно, насколько прочна защита у ламп. Посреди туннеля струился тоненький ручеек, но это и все.

Бригадир Келли спрыгнул с лестницы первым.

– Что вы чините и где это находится? – осведомилась я.

– Короткое замыкание, с полмили на север, – ответил он.

То есть наш путь лежит прямехонько под городской центр, в самое его сердце.

– Если это из-за протечки, нам надо ее найти и заделать. – Келли смущенно кашлянул. – Хорошо бы все дело было в протечке. Потому что, если это не протечка, тогда это они.

– Мы бы не отказались от скучной и непыльной работы, – пояснила девушка со стрижкой. – Но за нее платят большие бабки.

– Большие бабки? – недоверчиво переспросила я, и ремонтники рассмеялись. – Погодите-ка минутку, я построю бойцов.

Я поставила Кусача с Дергачом, Ча, Душану, Шиндже и Калачакру вперед, а Мирддина, Гвалхмая и оставшихся трех в арьергард. И мы двинулись. Ремонтники назвали свои имена: бригадир – Келли, девушка со стрижкой – Сандерс, а остальных звали Блейк, Фейнеман, Родриго и Ли.

Я заметила, что у троих есть пистолеты. В том числе у Сандерс. У нее на поясе, рядом с инструментами, висела выдавшая виды и хорошо промасленная кобура. И это навело меня на некоторые мысли.

Я потихоньку подобралась к Сандерс и поймала ее взгляд.

– Какой боекомплект? – вежливо поинтересовалась я, кивая на кобуру.

– Стальная дробь, – твердо ответила она. – Нам выделены особые боекомплекты. Тут же нельзя чтобы рикошетило: сама понимаешь, какая выйдет фигня.

Еще бы не понимать – фигня выйдет нешуточная. Этого-то, собственно, я и опасалась. Поэтому у меня не пистолет, а дробовик.

Сандерс хмыкнула:

– Нет, ты все правильно спросила. Но ты не думай: все, кого сюда направляют, слушают лекцию, смотрят ролик. И еще нам демонстрируют наглядные материалы.

Даже расспрашивать не буду, что еще за наглядные материалы. Подозреваю, что это ролики с назидательными историями про людей, которые не соблюдали технику безопасности и им не повезло.

Туннель имел примерно двадцать четыре фута в ширину, а в разрезе он был как приплюснутый овал. У нас над головой горели лампы, прикрытые пластинами из какого-то прозрачного материала. Через каждые шесть футов от главного туннеля отходили трубы всего фут диаметром: отверстия располагались в стенах, приблизительно посередине между полом и потолком. Трубы были забраны металлическими решетками: по ржавчине я поняла, что это холодное железо, которого боятся многие пришлецы. Да нет, не многие, а вообще все. Я во время пробежек видела такие же решетки из холодного железа и на улице – там, где трубы выходят на поверхность. Мало того, к решеткам еще были приделаны тонкие металлические силки.

– Слушай, а почему сливные отверстия на улице не забиваются? – спросила я. – В грозу, наверное, всяких обломков наносит.

– Это все черепахи, – ухмыльнулась Сандерс. – Мы их так называем. Бронечисты. Как бронированный транспод, только вдвое больше и тяжеленные. Поток такой махину не утащит. Пока идет дождь, бронечисты работают. Я как-то водила такую штуковину. Очень чудно. Окон в черепахе нет, они там ни к чему – все равно дождь стеной и ничего не видно. И управляется она автоматически – та же система, как в беспилотных трансподах. Так-то их можно отправлять и без водителя, но боссы требуют, чтобы на борту обязательно был человек. На случай, если среди мусора попадется тело. В смысле не кто-то из пришлецов, а человек.

– После каждой грозы стабильно есть пяток покойников, – подхватил Ли у меня за спиной. – А то и побольше. Чаще всего несчастные случаи: какой-нибудь олух не послушался предупреждения. Или, бывает, во время бури народ из Отстойника ломится под шумок через Барьеры. Только им невдомек, что по эту сторону нет брошенных развалин, где можно укрыться.

У меня от этих рассказов мороз прошел по коже. Ничего себе. Они так разговаривают о погибших людях, словно это кролики. Даже хуже, чем кролики – кролика хоть съесть можно... Ладно, не буду пока этим голову забивать.

– По правде говоря, у меня давно есть подозрения насчет этих тел, – угрюмо проговорил Келли. – Если надо от кого избавиться – самое милое дело позвать его на грозовую вечеринку, напоить под завязку и выкинуть на улицу. А остальное буря сама сделает: человек утонет, его потоком уволочет на милю – и следов потом никто не найдет.

Я сделала в памяти зарубку: сказать дяде. Келли совершенно прав: всегда найдется от кого избавиться. И еще одна зарубка: в бурю сидеть, запершись в комнате, а если и быть в компании, то только с теми, кому я доверяю на все сто. А то всякое может быть.

Нет, если кто попытается устроить мне засаду, его ждет сюрприз. Гончих я теперь умею призывать за считанные секунды. И когда Гончие явятся, они будут очень злые и встревоженные.

– Ну ты даешь, Келли, – натянуто усмехнулся Блейк. – Я гляжу, с тобой шутки плохи.

– Детективов посмотрелся, – фыркнула Сандерс. – Я когда в последний раз у него дома была, так он только их и крутил. Этак и детишек своих научишь, что каждый прохожий – убийца.

Они перебрасывались беззлобными шуточками насчет виброликов. Пусть болтают, решила я. Моей связи с Гончими это не мешает, а ремонтникам так легче. Им-то не надо быть настороже, это нам с Гончими надо.

И вообще, пусть они лучше будут заняты друг другом, а меня оставят в покое. Если я начну с ними болтать – буду отвлекаться от Гончих и, чего доброго, дозор превратится в фанвстречу.

В водостоке было прохладно, сыро и очень-очень чисто. Еще бы: почти двое суток бетонные стены безостановочно промывало дождевой водой. Судя по перскому, мы приближались к перекрестку, где два туннеля поменьше входили в наш туннель. Я послала вперед Ча и Мирддина проверить эти ответвления, а ремонтники все болтали – обсуждали рейтинг Охотников. Мы с Асом вышли из игры, и теперь ведущая пятерка менялась чуть ли не после каждой смены, а в десятке лидеров разрыв был минимальный, всего несколько баллов. Сегодня в дозор после бури шла как раз первая смена, и ремонтники спорили, кто возглавит рейтинг. С тех пор как я ушла в Элиту, меня эти дела не особо интересовали. Я знала только, что Асова компания развалилась и его приятели стали вести себя с остальными поадекватнее. И сейчас Охотники куда меньше напрягались из-за рейтинга, чем когда я появилась в штабе.

Ча и Мирддин вернулись с разведки, и Ча доложил: «Из боковых туннелей ничем не пахнет».

Кроме острого нюха у некоторых Гончих есть разные другие способности. Мои первые семь, например, чувствуют магию. Они сообщают, если поблизости пришлец, Маг или другой Охот-

ник. Спасибо Гончим, мы шли бодренько и по пути миновали еще несколько боковых туннелей.

Наряду с большими зарешеченными трубами, ведущими на поверхность, нам через каждые полсотни футов попадались безликие металлические двери, выкрашенные под цвет бетона. К одной из таких дверей мы как раз и направлялись. Когда мы дошли до цели, разговор стих и ремонтники насторожились. Что, впрочем, неудивительно.

– Как она открывается? – спросила я у Келли, стараясь говорить еле слышно. Гончие пока готовились к бою: две пары заняли позиции по обе стороны туннеля на случай засады, а остальные выстроились полукругом вокруг двери.

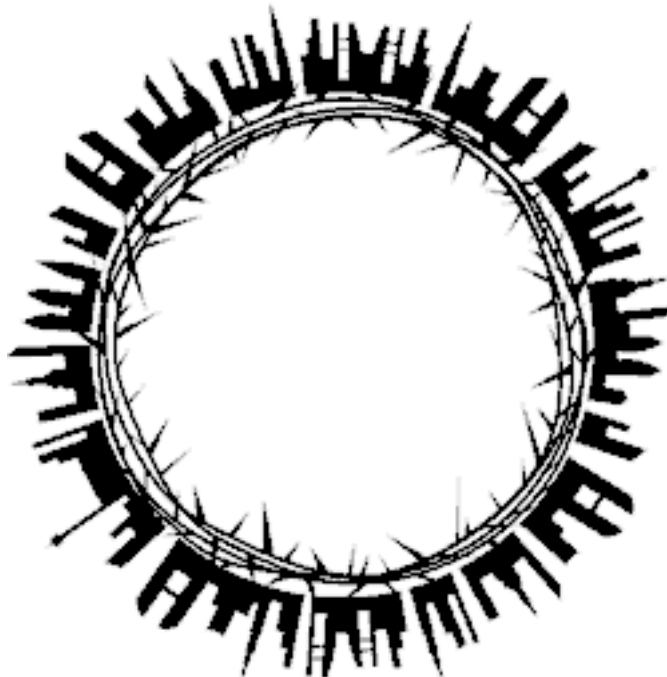
– Магнитный замок, – тихо пояснил Келли. – Я подношу вот эту штуку, дверь щелкает, отъезжает внутрь и едет вбок. – Бригадир помахал каким-то девайсом, и я кивнула:

– Хорошо. Я почти уверена, что там внутри кто-то есть. Если нет, будет приятный сюрприз. Вы все держитесь поближе ко мне. У кого оружие, доставайте. – Я взметнула Щит, закрывающий всех нас. Все Гончие последовали моему примеру. Я вскинула на плечо дробовик. – Келли, как будешь готов – открывай.

Келли поколдовал над своим девайсом. Дверь издала щелчок, вдавилась внутрь и поехала вбок.

Приятного сюрприза не получилось.

6

Твари повалили из дверей нам навстречу. С такими я прежде не сталкивалась: верхняя половина человеческая, а нижняя – змеиная, и уйма рук в придачу. Двигались они стремительно и не раздумывая кинулись на нас, а я сделала первое, что пришло в голову: укрепила прикрывающий нас Щит, одновременно жახнула вспышкой и пальнула из дробовика. Рядом Сандерс выстрелила из пистолета. От выстрелов закладывало уши, и все равно твари визжали громче. Сердце у меня колотилось со скоростью миллион ударов в секунду, но мозги работали отлично. Я не спускала с тварей глаз.

«Наги!» – это Ча кричит в моей голове. Ничего не знаю про нагов, да мне сейчас и не до этого. Я развернула бригаду спиной к стене туннеля, а сама принялась палить из дробовика. Одной твари я залепила в грудь порцию серебряной дробы вперемешку с освященной солью. Тварь отключилась, и я сумела разглядеть, что рук у них четыре. И в этих руках – мама дорогая! – у них сабли. А пасти утыканы частоколом зубов. «Защищай цивов», – только эта мысль сидела у меня в голове. Но к счастью, защищать их мне пришлось не в одиночку. Ремонтники оказались ребята не робкого десятка и панике не поддались. Сдаваться без боя они не собирались.

Да и Гончие не дремали. Те ребята из бригады, что не носили оружия, втиснулись между нами, вооруженными, и стеной – у них с боков получилось прикрытие. Гончие набрасывались на тварей со всех сторон. Гвалхмаю удалось вцепиться одному нагу в хвост, но тварь была гибкая, сильная и смекалистая. Гвалхмаю выпустил добычу и отпрыгнул, а то бы его раскромсали саблями. В том-то и беда: эти наги не из тех тупых монстров, у которых в голове только и мыслей, что пожрать.

– Келли! – рявкнула я. – Дверь!

Не хватало еще, чтобы они проникли назад, в маленький туннель. Там и драться негде, и оружие применишь не всякое. Чего доброго, разнесем в хлам то, что пришли чинить. И к тому же у нагов в тесном пространстве будет преимущество перед людьми и Гончими. Я не видела,

что делает Келли, но, судя по всему, он активировал свой гаджет. Дверь скользнула на место и впечаталась в стену, прежде чем твари успели что-то заметить.

Теперь дело за малым: выстоять под торнадо из хлещущих змеиных хвостов и мелькающих сабель.

Мой Щит удерживал их на расстоянии, а Гончие перегруппировались и встали по бокам от нас: пять слева, шесть справа. От нападения они перешли к обороне. Они уворачивались и подпрыгивали, ни на секунду не прекращая двигаться, и град ударов сыпался мимо, и змеиные хвосты свистели в воздухе, не достигая цели. Зато ни одна тварь не могла проскочить мимо Гончих вверх или вниз по туннелю. Время от времени я опускала Щит, и тогда те из нас, у кого было оружие, стреляли в нагов стальной или серебряной дробью. Кожа у них была толстая, может, даже с броней, и выстрелы не причиняли им серьезного вреда. И все же какой-никакой эффект имелся. Получив заряд из дроби, тварь делалась более вялой, теряла подвижность. Видимо, сталь и серебро обессиливали нагов.

Шум стоял такой, что оглохнуть можно: мы стреляли, твари верещали. Наги хоть и замедлились, но двигаться не переставали. Вот тут-то и тупик: если накрыть их сетью – неизвестно, сколько я сумею ее удерживать. А ведь они по-прежнему будут махать своими хвостами и саблями, и унять их никак не получится.

А что, если они боятся огня? Ведь огнестрельное оружие все же худо-бедно их выводит из строя... Вот сейчас мы и проверим.

Проорав заклинание и размашисто начертив Письмена, я сотворила сеть и набросила ее на нагов. Дробовик я кинула Келли, потому что невозможно и сеть удерживать, и стрелять. «Ча! Огонь!» – прокричала я мысленно своему жожаку, и спустя мгновение мои алебрихе ввергли тварей в геенну огненную.

Вопли стали вчетверо визгливее и громче. Мне в уши словно кто-то вонзил раскаленные иголки. Я прихлопнула уши ладонями; ремонтники за моей спиной согнулись в три погибели и тоже зажали уши. Но от кошмарного визга, разрывающего наши головы, это не спасало.

Зато огонь очень даже спасал. Мне и сеть не надо было держать, что оказалось весьма кстати. Попробуйте-ка подержать сеть, когда вам в уши так надрывно верещат.

Но то-то и оно: чтобы визжать, тварям нужно было набирать в легкие воздуха. И только очередной наг делал паузу, чтобы вдохнуть – он тут же глотал огонь. Поэтому визг стих довольно быстро. Мы разогнулись и опустили руки. Твари корчились на бетоне; некоторые еще сжимали в руках сабли, но пустить их в ход уже не могли. Гончие набросились на них и растерзали в мгновение ока.

У меня от боли выступили слезы. Сморгнув их, я увидела кое-что новенькое. Эти чудища не превратились в слизь, после того как Гончие выпили их манну. И они не испарились. Вместо этого мертвые наги рассыпались в пыль. Когда Гончие покончили с тварями, весь пол туннеля был усеян серовато-черным порошком. Повсюду валялись сабли, будто их кто-то тут нарочно расшвырял.

После этого мы решили, что надо немного передохнуть. Перед тем как открывать дверь во второй раз, я хотела убедиться, что у всех все в порядке со слухом.

Я вытащила из рюкзака и раздавала всем таблетки от головной боли, потому что головы у нас у всех раскалывались, а в ушах звенело. Потом мы расселись рядком вдоль туннеля,

привалившись спиной к стене и вытянув ноги, и подождали, пока звон в ушах и стук в висках прекратится.

А вот Гончим хоть бы что. Эти чудища, должно быть, так и сочились манной. Раны от сабельных ударов у Гончих затянулись на наших глазах. У нас еще головы всюду трещали, а Гончие уже были целехоньки.

Когда головная боль немного отпустила, я обнаружила еще кое-что непривычное. В туннеле чем-то пахло. То есть пахло и до этого – мокрым бетоном, но теперь в воздухе стоял какой-то смрад. Так пахнут змеи, когда пугаются. Я же деревня – сколько я этих змей в детстве переловила, – поэтому знаю. Ремонтники тоже понемногу приходили в себя и замечали запах. Но никто его не узнавал.

– Это что за вонь? – сморщив нос, спросил Ли.

– Наверное, от этих самых, кто-они-там, – предположил Келли.

– Фу-у. Гадость какая, – скривилась Келли. – От моего бывшего мужа так же несло.

По этой реплике я поняла, что ребята ожили окончательно. Я поднялась первая. Ремонтники посмотрели на меня, тяжело вздохнули, но тоже встали на ноги.

– У меня есть план, – объявила я, когда все поднялись с пола. – Если там внутри еще такие твари, вряд ли они дали деру. По моему опыту, пришлецы, когда гибнут их сородичи, не унимаются, а, наоборот, звереют и еще больше жаждут вашей крови.

«Кроме разве что гром-птиц», – добавила я про себя.

– Вот уж порадовала так порадовала, – кисло заметил Ли.

– На самом деле есть чему радоваться, – возразила я. – Они напрыгнут на нас все сразу, как только мы откроем дверь. А это значит, что во время ремонта никакая тварь к вам не подкрадется. Мы с вами поступим вот как: вы отходите по туннелю подальше – но так, чтобы можно было вашим девайсом открыть дверь. Мы с Гончими остаемся тут. Дверь открывается – и я забрасываю внутрь газовую гранату. А вы тут же закрываете дверь.

– Ядовитый газ? – уточнил Келли.

Я помотала головой:

– Нет, слезоточивый. У вас же затычки для носа есть? И очки, да? – Ремонтники закивали. Конечно, у них все есть – это же базовая амуниция для тех, кто обслуживает водосток. Потому что в сточных коллекторах скапливается метан. А метан – опасная штука, и не только когда взрывается. – Так вот, с минуту мы держим дверь закрытой, потом снова ее открываем. Если там есть кто живой, он выползет наружу за свежим воздухом, а Гончие тут же его и поджарят.

Возражений не последовало. Поэтому я выудила из рюкзака маску, закрывающую лицо целиком, и подождала, пока ремонтники достанут свои пробки и очки. Приготовившись, мы разошлись по условленным местам. Келли щелкнул девайсом.

Все сработало как часы. Даже скучновато. Дверь во второй раз отъехала в сторону, и из нее пополз только газ.

Мы подождали, пока газ выветрится, а потом ремонтники вошли в сервисный туннель, и, пока они чинили то, что требовалось, мы с Гончими стояли на страже. Я даже отправила к ремонтникам Ча и Душану – от греха подальше. Хватит с нас на сегодня сюрпризов.

Подобрав несколько сабель, я затолкала их в рюкзак, и мы всей компанией направились к входному бункеру. Я подождала, пока все поднимутся вверх, и отпустила Гончих через Портал, чтобы не терзать их подъемом: не все ведь могут бацать, а карабкаться вверх по лестнице Гончие терпеть не могут. Они это умеют, но не любят, потому что им тяжело. И я их не заставляю.

Я выбралась последней, и Келли запер дверь. Вся бригада сразу же уставилась на меня, и Келли спросил:

– Что это еще за нелюди были?

Я уже задала тот же вопрос перскому.

– Мой вожак Ча назвал их нагами, – ответила я, просматривая, что там есть на слово «наги». – Я никогда таких не встречала.

Перском их, видимо, тоже не встречал. Я не нашла никаких сведений о нагах: ни справочных данных, ни эфиров других Охотников, которые с ними сталкивались где-то в Пике или в окрестностях. И фольклор их тоже не упоминал, по крайней мере в пределах досягаемости перскома.

– Главное – видеть во всем положительную сторону, – продолжала я. – Зато мы узнали, что они хорошо горят.

Ремонтники переглянулись, словно не понимая, шучу я или серьезно, и наконец Сандерс криво усмехнулась.

– Точно, – кивнула она. – И с сегодняшнего дня мы туда без Охотника ни ногой.

– Вернее, без Охотницы. Вероятно, сколько-то я с вами побуду. – Я пожала плечами. – Самое неприятное – это быть застигнутым врасплох. Но теперь-то моя стая знает, как с ними обходиться.

Но оставалась одна закавыка, о которой мы, словно стоворившись, помалкивали. Проклятые твари как-то проникли в сервисный туннель. Но как? Это ведь не ноккеры, которые из-за малого размера могут протиснуться через прореху в защите. И не вампиры, способные просочиться ночью куда угодно. В этих нагах футов шесть человеческого роста плюс еще примерно столько же длины хвоста.

И кроме того... Эти люди рядом со мной, вероятнее всего, дают присягу о неразглашении – иначе их не допустили бы к работе в водостоках. Возможно, им не впервой наблюдать что-то новое. Келли снял свой синий шлем и поскреб затылок. У него оказалось детское лицо, но волосы на макушке уже начали редеть.

– У тебя уже совсем сил нет? Не сфоткаешься с нами на память? – с надеждой спросил он.

Нет, честно, мне никогда этого не понять. Нас с ними час назад какие-то гады ползучие чуть в капусту не изрубили – а теперь им подавай селфи! Но это часть службы, напомнила я себе. Поэтому я изобразила улыбку и снялась с каждым из них.

И только когда их транспод умчался восвояси, я вызвала свой. Усевшись в него, я связалась со штабом и перешла сразу к делу:

– Штаб, вы получили эфир из туннеля. Скажите, есть какие-то записи, где упомянуты твари под названием «наги»? Или подобные им змеелюди?

– Никак нет, Охотница, – ответили мне. – Твоя Гончая не дала никаких подробностей?

– Никак нет, штаб. Полагаю, тут нужен фольклорист.

При первой возможности я вызову Ча и вытяну у него все подробности. Но штабу об этом знать необязательно. Насколько мне известно, Гончие не особо болтливы даже со своими Охотниками. И очень немногие делятся информацией по собственной воле.

– Рапорт немедленно по прибытии, Охотница Рада. – Это был уже другой голос.

Чего и следовало ожидать. Я вздохнула. Значит, сегодня на очередь меня не поставят и еще раз в водосток не пошлют. Разве только отправят по вызову в составе Элит-отряда. А так будут меня полдня муржить этим рапортом.

Это, конечно, никакое не взыскание, это нужно для информации. Камера ведь фиксирует не все – например, запах в ролике не покажешь. По возвращении меня ждала встреча в небольшом кабинете с тремя прожженными дознавателями. И они вытянули из меня секундное описание сражения с нагами. Они мне все мозги проели: вспомни то, да вспомни это. Заставили вспомнить даже то, что я сперва упустила. А у меня и так голова раскалывалась. Я непрерывно пила воду, и боль понемногу рассосалась, но далеко не сразу. Почему-то пухнувшая голова куда хуже, чем царапины от вайверновых когтей.

А мозг мне проедали три очень серьезных, сосредоточенных и суперорганизованных человека – двое мужчин и одна женщина, – с виду настолько похожих, что сошли бы за братьев и сестру. На них была какая-то незнакомая форма – как полицейская, но не черная, а темно-темно-зеленая. Вся троица сидела за столом напротив меня. Дознатели расстарались и сделали для меня удобную обстановку: стены приятного успокаивающего салатного цвета, безупречная акустика, не давящая тишина и кресло... Еще в детстве я мечтала посидеть на облаке – так вот это кресло было почти как облако, да еще и откидывалось. Они меня кормили таблетками от головной боли, поили всем, чем я хотела. Если бы меня не мучило, они бы меня и накормили вдобавок. В общем, упрекнуть дознавателей мне было не в чем. И я понимала, что мой рассказ невероятно важен. Все-таки новый пришлец... и по всем признакам, довольно тяжелый случай. Поэтому надо знать про него все до мельчайших подробностей.

В конце концов дознаватели дали понять, что их душенька довольна, и отпустили меня на все четыре стороны. Обед я безвозвратно пропустила, а вот поужинать была очень даже не прочь.

Однако тихий ужин в семейном кругу нам сегодня не светил.

В столовой толпились измотанные Охотники. Всем было не до разговоров. И рядовые Охотники, и Элита сегодня весь день провели в дозорах или выезжали по вызовам. Буря после бури – вот как это называется. Очень даже предсказуемо. Ливень загнал пришлецов в укрытия, они там просидели два дня, а нынче вырвались на свободу, голодные и злющие.

Сегодня даже у тех, кто нес дозор на «легких» угожьях, денек выдался тот еще. Народу было много, поэтому все садились где придется. Я оказалась рядом с двумя Охотниками-новичками. У них только-только пробудился дар, появились Гончие, и они проходили в штабе аттестацию. Бедолаги настолько выдохлись, что даже не заметили, как я уселась за их стол.

Ретро. Увидев, что для него места нет, он испустил преувеличенно тяжелый вздох.

– Радка, ты разбиваешь мне сердце! – заявил он. – Если так пойдет и дальше, я, пожалуй, решу, что ты это нарочно!

Я бы не разбивала ему сердце – да только свободных стульев за столиком не было. Двое несчастных новичков, заметив Ретро, чуть было не повскакивали с мест. Ретро рассмеялся:

– Да ну, ребята, лучше сидите, а то еще развалитесь. Пойду со своей истерзанной душой сяду к Искре. – Он подмигнул мне и двинулся дальше.

В столовую вошел Кент, и поначалу на него никто не обратил внимания. Но оружейник заговорил в почти полной тишине, и все сразу обернулись к нему.

– Слушайте, Охотники. У нас новый пришлец.

Под потолком зажглись четыре видеэкрана. На них крутился эфир нашей битвы с нагами. Примерно через полминуты Кент нажал на паузу. На экранах замерло довольно четкое изображение одной из тварей.

– Сабли?! – выкрикнул Тобер, дюжий темноволосый парень, одетый в оранжевое, коричневое и черное. Раньше он был в свите Аса. – Да ладно! У них реально сабли?

Понятно, почему он так изумился. Мы привыкли, что пришлецы пользуются природными силами или магией. Из тех, с кем я сталкивалась, к оружию прибегают только красные колпаки да ноккеры. Ноккеры вооружены грубыми дубинками и кремневыми ножами, а красные колпаки – более изящными ножами из бронзы. Принесенные мною сабли нагов были какие-то непонятные – не бронза и не сталь. И очень мастерски сделанные – прямо загляденье: у каждой чуть изогнутый клинок и одно смертоносное лезвие.

– Новые пришлецы были идентифицированы как «наги». Как вы можете видеть, в основном они нападают, пользуясь физической силой. Чрезвычайно высокая скорость перемещения, хвост используется как оружие и еще четырехкратное усиление за счет сабель.

Теперь голова моя уже не так пухла, и я могла более или менее вдумчиво рассмотреть застывшее изображение нага на видеэкране. Ну да, четыре руки, и они довольно причудливым образом сочленены с туловищем – ну а как еще при четырех-то руках? Бедер у твари не было и в помине. Может, вторая пара рук получилась из ног? Хребет укоротился, таз деформировался – и вот пожалуйста: человеческий торс врос в змеиное тело.

У этого нага было украшение: что-то вроде нагрудника из золотых цепочек, а его длинные темные волосы, уложенные в хвост, перехватывал золотой гравированный зажим. После гибели нагов украшения не сохранились – значит, это была иллюзия или какое-то магическое изделие. Сзади на руках у нага виднелись чешуйки. Его человеческая кожа была грязноватого коричневатого-зеленого цвета, а змеиный хвост – ближе к зеленому. Наг что-то рычал: его открытый рот, как я и запомнила, был весь усеян острыми зубами. Не клыки – скорее человеческие зубы, только заточенные.

Кент пересказывал все, что я поведала дознавателям. Но я слушала его вполуха, а больше разглядывала кадр с нагом. И чем внимательнее я присматривалась, тем отчетливее видела: квадраты мышц у нага на груди – это на самом деле тонкие и гибкие пластины. Наг, по всей видимости, облачен в легкий доспех. Тогда понятно, почему наши выстрелы не причиняли его сородичам особого вреда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.